

№10

Октябрь 2021

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

**МИХАИЛ ЛАВРОВСКИЙ:
«ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ –
ЭТО САМОЕ ГЛАВНОЕ»**

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№10 (192)
Октябрь 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**საზოგადოებრივ-მხატვრული** გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** МИХАИЛ ЛАВРОВСКИЙ: «ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО САМОЕ
ГЛАВНОЕ»
НИНА ШАДУРИ
- 13** ХУДОЖНИК-УЧЕНЫЙ АЛЕКСЕЙ ФЕДОРЧЕНКО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 19** И СНОВА – ГАСТРОЛИ!
- 22** ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30** ТБИЛИССКИЕ ШАРАДЫ ДЛЯ ЗОДЧИХ
ИРИНА КАНДЕЛАКИ
- 38** КОНЬЯК С АРОМАТОМ АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЫ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 42** ПАРАДЖАНОВ. ИНТЕРМЕЦЦО
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 45** ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ
ЕКАТЕРИНА ХИНЧИГАШВИЛИ
- 52** «...КАЖДЫЙ КРАЙ ВЫРАБАТЫВАЕТ СВОЙ СТИЛЬ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

На обложке – ТАНЦУЕТ М. ЛАВРОВСКИЙ

от Я до

Роб АВАДЯЕВ

ПОЛЕТ «ХИЩНОЙ ПТИЦЫ»

Как известно, первыми в небо на аппарате тяжелее воздуха поднялись братья Райт в декабре 1903 года. Но есть некоторые «но» – во-первых, их самолет «Fly» был больше похож на планер со слабеньким двигателем, во-вторых, он не имел шасси и взлетал вниз по склону дюны по направляющему рельсу, так как умел летать только при встречном ветре. Да и пролетел-то он совсем немного, всего 250 метров и то не с первой попытки. Посему, многие в странах Европы и Южной Америки считают этот полет не совсем полноценным, и что «настоящий» первый полет произошел тремя годами позже – 23 октября 1906 года на самолете «BIS 14», прозванном «Хищная птица». Его совершил в парижском парке Сен-Клу при огромном стечении народа, включая членов комиссии национального клуба авиации, сконструировавший это чудо техники элегантный бразильский плейбой Альберто Сантос-Дюмон. Этот благородный кабарьеро обосновался в культурной столице мира с самой юности в поисках славы и приключений. Его «Хищная птица» вовсе не походила на сокола или орла, а, скорее, на китайский коробчатый воздушный змей. Зато этот технический

монстр взлетал и садился сам на свои колеса, свинченные у велосипеда. И нужна ему была только ровная площадка. Альберто – сын невероятно богатого бразильского кофейного короля давно восторгал парижскую публику своими полетами сначала на воздушных шарах, потом на дирижаблях собственной конструкции. Всего он изобрел и испытал 11 дирижаблей и даже сумел выиграть престижный приз. С деньгами он поступил так: половину отписал беднякам Парижа, а вторую половину рабочим своей мастерской. Сантос-Дюмон был человеком широким, любил публичность и всегда стремился удивлять. Особенно ему нравилось летать на дирижабле от своего особняка на Марсовом поле, облетая по пути Эйфелеву башню, чтобы выпить чашечку кофе в любимом летнем ресторанчике. Это было очень пикантно и шикарно, а парижане всегда любили шик. Кстати, именно дон Альберто ввел в моду в Европе хорошо нам знакомые панамы, а также наручные часы. Он как-то пожаловался своему другу Луи Картье на неудобность в полете карманных часов-луковиц, а тот сделал ему в подарок удобные вполне современные часы на кожаном ремешке, застегивающимся на запястье. Сантос-Дюмон был талантливым изобретателем и на первом своем успехе не остановился, вскорости построив вполне эстетичные и практичные более совершенные самолеты. А кто в действительности был первым авиатором – американцы Орвилл и Вилбур Райт, летавшие раньше их француз Клеман Адер, баварец Густав Уайтхэд (Вайсскопф) и Гленн Кертисс, или бразилец Альберто Сантос-Дюмон или, как считают некоторые, российский контр-адмирал Александр Можайский – пусть каждый решает на свой вкус.

БЫК ИЗ МОМА

Немногие из художников нашего времени могут похвастаться, что их работы выставлены в знаменитом Нью-йоркском музее современного искусства MOMA. А те мастера, что представлены в его залах, поистине считаются своеобразной сборной мира, говоря языком футбольных болельщиков. И среди работ этих немногих тщательно отобранных мастеров, работавших в разных художественных жанрах, есть одна очень странная композиция, выполненная в стиле поп-арт. Это изображение головы быка, угадывающееся в складках причудливо уложенных обыкновенных брюк. Конечно же, они пропитаны особым клеем, которому не страшно время, и уло-

жены на гипсовом основании, раскрашенном под деревянный щит. Говорят, что этот образ получился случайно, когда усталый художник глубокой ночью раздевался, небрежно разбрасывая одежду, чтобы поскорее лечь в постель, а утром увидел получившуюся морду быка с пронзительным взглядом и удивился, решив увековечить это чудо. Но это, вероятнее всего, просто легенда, в которую невозможно поверить, если знать, какие потрясающие работы появлялись из-под кисти этого мастера, какие замысловатые композиции рождала его невероятная фантазия. И имя этого художника, подлинного зачинателя стиля поп-арт в Грузии, Авто Варази. Это был всесторонне одаренный человек, художник и артист. Автандил Васильевич Варази родился в Тифлисе в семье видного ученого-физиолога и биохимика 26 октября 1926 года. Их по-кавказски гостеприимный дом был вечно полон друзей, среди которых было немало выдающихся деятелей культуры и науки Грузии. И мальчик, выросший в такой насыщенной творчеством атмосфере, просто не мог остаться ординарным и бесталанным. Он с самого детства проявил незаурядные способности художника-графика и даже получил специальный приз на всесоюзном конкурсе в Москве за иллюстрации к лермонтовскому «Мцыри». Став взрослым, Авто Варази оправдал надежды своего окружения, он вырос в блестящего мастера, став одним из самых заметных художников в культурном городе Тбилиси, буквально переполненном талантливыми живописцами. Варази стал не просто одним из них, но и настоящим «человеком стиля», пионером новых творческих веяний. А ко всему прочему Авто Варази подарил

нам образ гениального художника Пиросмани, сыграв главную роль в одноименном великолепном фильме выдающегося режиссера Георгия Шангелая. Художник Варази предпочитал портретное искусство. Но говорят, что он не работал на заказ, и все изображенные им люди – это родственники, друзья и добрые знакомые. Творческое наследие Авто Варази невелико по объему, он, к сожалению, очень рано ушел. В этом году в Грузии будут отмечать его 95-летие.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Он был и остается великолепным и мудрым писателем и философом. И читают его до сих пор. Интересно, что его имя хорошо знают не только у нас, но и на Западе. А там не очень любят переводную литературу, особенно с трудных славянских языков. Имя Станислава Лема настолько прочно вошло в историю жанра научной фантастики, что даже в Голливуде была сделана экранизация его «Соляриса» (впрочем, неудачная и коммерчески провальная). Был в восьмидесятих годах и одноименный кинематографический шедевр, снятый в СССР легендарным Тарковским. Этот фильм был с восторгом принят интеллектуалами всего мира. Правда, сам пан Станислав был не очень доволен обеими постановками. Он говорил, что американский фильм попросту глупый, а Тарковский искажал его первоначальную идею, сняв про то, что главное – на Земле, а космос – это плохо. Сам же Лем писал, по его словам, про величие и разнообразие Вселенной. Но вообще-то, Лем был человеком воспитанным и благодарным, он всех режиссеров всегда благодарил за то, что они обратились к его непростым книгам. А книги Станислава Лема и впрямь непростые – ведь он не только рассказчик занимательных историй, писавший фантастику, но и философскую публицистику и был не чужд пророческих откровений – в своем романе «Сумма технологии» он предвидел появление виртуальной реальности и искусственного интеллекта. Он родился сто лет назад, осенью 1921 года в прекрасном Львове, который тогда входил в состав Польши. Это был город многонациональный и многокультурный, и пан Станислав говорил по-русски без акцента, равно как и по-украински и немного по-венгерски и немецки, не считая выученного в школе английского. Перед самой войной он поступил во Львовский университет на ме-

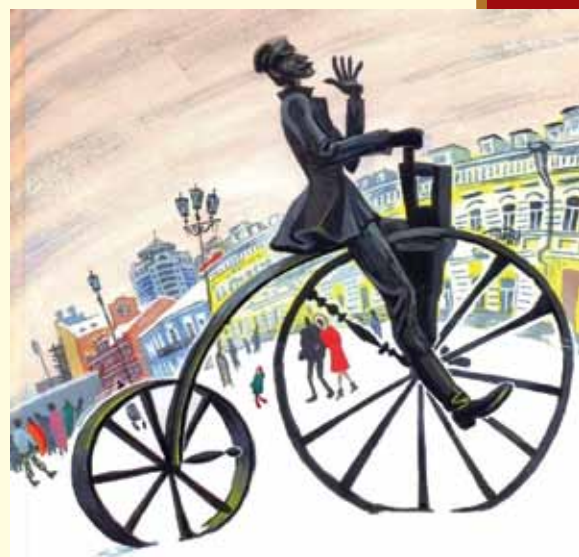

дицинский факультет, а с приходом немцев Лем, по заданию подпольной организации сопротивления, устроился в авторемонтную мастерскую механиком и сварщиком, обеспечивая тайные боевые партизанские операции транспортом. После войны Станислав вместе с семьей перебрался в польский Краков, где стал изучать медицину в Ягеллонском университете. Писать и печататься Лем начал в 1946 году сразу после войны. Первый его роман «Астронавты» был издан в 1951 году и был переведен на многие языки стран социалистического содружества. Так его проза стала известна не только Польше. А с появлением блестящего «Соляриса» в русском переводе Лема стали издавать в СССР огромными тиражами, а советская интеллигенция буквально вознесла его на пьедестал. Он был любимым писателем гениального создателя космической техники Сергея Королева, отряда советских космонавтов и всего космического научно-технического сообщества. Лем шутил, что он гораздо популярнее в Советском Союзе, чем на родине, где партийные чиновники даже не слышали его имени и не имели о нем ни малейшего понятия. Станислав Лем прожил очень интересную и насыщенную жизнь, создав подлинные шедевры, которые знает и любит читатель по всему миру – «Эдем», «Возвращение со звезд», «Солярис», «Непобедимый», «Сказки роботов», «Сумма технологии», «Кибериада», «Звездные дневники Ийона Тихого» и многие, многие другие. Он буквально фонтанировал сюжетами и идеями. Доходило до смешного – когда у него не было времени на написание очередной повести или романа, он в шутку писал на ненаписанную книгу критическую рецензию, попутно пересказывая ее содержание. Станислава

Лема нет уже с нами пятнадцать лет, а мы только сейчас начинаем понимать глубину его пророческого дара и по-прежнему зачитываемся прекрасными книгами про далекие миры во Вселенной.

ПЕРВЫЙ ВЕЛОСИПЕД

Он был железным, просто целиком железным. У него было два колеса, одно за другим. Переднее почти в три раза больше, чем заднее, и на нем были наглухо приварены педали, тоже железные. Колеса были скреплены изогнутой металлической рамой с неудобным сиденьем. Это был

велосипед, и если не самый первый в мире, то точно один из самых первых. Придумал его рабочий человек, мастер с Нижнетагильского завода Ефим Артамонов. Формально он был крепостным, но благодаря своему мастерству, имел немало воли и многое мог делать не только по приказу, но и по своему разумению. Велосипед он выдумал и сделал сам. И не только сделал, но и отправился на нем с Урала до Северной столицы на коронацию молодого государя-императора Александра I осенью 1801 года. А путь-то был очень тяжелым и долгим. Физически тяжелым – многих передач в велосипеде еще не изобрели, резиновых шин тоже, скорость была совсем небольшая, всего 10 км в час, да и крутить педали было тяжело. Но русский человек во все времена отличался упорством. Доехал-таки до царя Ефим Михеевич. Подивился государь новинке, одарил мастера не «пятак на водку», а вполне немалой премией в 25 рублей золотом, да и освободил от крепостной неволи, что для изобретателя было важнее.

МИХАИЛ ЛАВРОВСКИЙ: «ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО САМОЕ ГЛАВНОЕ»

■ **Нина ШАДУРИ**

Легендарному танцовщику, Народному артисту СССР Михаилу Лавровскому – 80!

Честное слово, верится с трудом. Михаил Леонидович, как всегда, бодр, подтянут, энергичен, язык его остер, мысль – стремительна, размышления – глубоки.

Беседа с Лавровским – это не только настоящее удовольствие для собеседника-счастливчика (голова идет кругом от историй и воспоминаний), но и своего рода акт просвещения, почти экзамен: цитаты звучат одна за другой, начиная от античности и кончая современной литературой и философией. Так что изволь соответствовать.

Между прочим, мы можем поздравить Михаила Леонидовича еще с двумя круглыми датами: в 2021 году исполнилось 245 лет со дня основания Большого театра, куда Лавровский

был принят ровно 60 лет назад. Было о чем поговорить.

Михаил Лавровский родился 29 октября 1941 г. в Тбилиси в семье балерины Елены Чикваидзе и хореографа, главного балетмейстера Большого театра Леонида Лавровского. В 1961 г. окончил Московское хореографическое училище, и был принят в балетную труппу Большого театра. Окончил балетмейстерский факультет ГИТИСа. В 1983–85 гг. был художественным руководителем Тбилисского государственного академического театра оперы и балета имени Захария Палиашвили. В 2005–2008 гг. возглавлял балетную труппу Московского театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Много лет работал балетмейстером-репетитором Большого театра. Знаменитые партии: Принц («Золушка» С.

Прокофьева), Альберт («Жизель» А. Адана), Базиль («Дон Кихот» Л. Минкуса), Спартак («Спартак» А. Хачатуряна), Ромео («Ромео и Джульетта» С. Прокофьева), Принц («Лебединое озеро») и др. Поставил около 20-ти балетов, оригинальные телебалеты, танцы и движения в спектаклях драматических театров. Основал Московское хореографическое училище им. Л.М. Лавровского.

– В Тбилисском театре оперы и балета в 2017 г. вы восстановили балет «Ромео и Джульетта», который поставили на этой сцене, будучи художником.

– Изначально этот балет был поставлен моим отцом, Леонидом Лавровским, в 1940 году в Ленинграде. Он весь был решен в одном дыхании, в одном ключе пластики человеческого тела, без сухой формы классического танца. Свободный верх, ноги работают классически. Различные куски отличались различной драматургической нагрузкой. Но дыхание, способ выражения и пластика – едины. Никакой эклектики. Нина Ананишвили, спасибо ей, решила восстановить «Ромео и Джульетту», и мне надо было его немного сократить. Я взял пять основных кусков Лавровского – «Мадригал», «Балкон», «Венчание», «Прощание» и «Смерть», и сделал балет в одном акте – такой совет в свое время дал мне Марис Лиела. Да и сам Лавровский, когда я с ним работал, уже вносил изменения в свой спектакль. Разумеется, изменения необходимы – это требует время. Главное – не потерять стиль спектакля, дух и смысл, которые в него вкладывал хореограф. Часто привожу такой пример. Я очень люблю итальянский неореализм – картины Витторио де Сика, Джузепе де Сантиса, Роберто Росселлини, Федерико Феллини. Это те шедевры, которые мы увидели в 1950–1960-е годы. Естественно, сейчас в кино другой темп, другой ритм, и молодежи сложно смотреть такое кино. Но эти фильмы по-прежнему остаются образцами высокого искусства. Так же и в балете. Великий спектакль остается великим.

Но каким бы он ни был гениальным, время идет вперед и предъявляет свои требования. Да и актеры уже другие, честно говоря. Понимаете?

– Нет, не совсем.

– Ну, как вам объяснить... По тем временам мы совершали невозможное. Брали высшие планки и шли еще дальше. А только так и должно быть в искусстве – необходимо подыматься на следующую ступень. Поддержки для нас вообще не были проблемой. Надо поднять – подняли, надо перейти сцену – перелетели. Владимиров, Лиэпа, Васильев и я не могли сказать: «Так мне неудобно». Пожалуйста, сделаем все что угодно. А сейчас по-другому. Если высокопарно выражаться, тогда было другое дыхание искусства, другое дыхание балета. Чем мы поразили весь мир? В 1956 году, в первый раз после

появления «железного занавеса», Большой театр выехал в Лондон. И Большой подняли на щиты. А Западу это было совсем неинтересно – славить соцгосударство, ведь у нас шла идеологическая война. Но именно тогда и появилось название «Большой балет».

– Чем взяли Запад?

– Мы были сильны необычайной логикой классического танца, куда входило и чувство позы, и феноменальная координация. А главное – на сцене были живые люди. Не просто меняли костюмы из «Лебединого» на «Спящую», а «Спящую» на «Ромео». Язык-то везде один – хореографический, и лексикон балетного танца – один и тот же: партер, па де буре, па де пуасон и так далее. Как в литературе – Толстой, Достоевский, Булгаков писали одними и теми же русскими словами, но

Альберт. «Лебединое озеро»

Михаил Лавровский и Наталья Бессмертнова в балете «Спартак»

идея – о чем тут говорить! – у каждого своя. Так и в балете. В «Спящей» – так, в «Лебедином» – по-другому, в «Жизели» – совсем по-другому, в «Спартаке» – совсем иначе. Главное, повторяю, на сцене был живой человек, правда искусства. Мне трудно придаться к западным танцовщикам. Они все делают правильно, но они – манекены. Придаться трудно, а на сцене – неживой человек. Знаете, как говорили про Уланову? «Она привнесла в балет смысл исполняемого». Все наши танцовщики были артистами. И все – разными. Каждый вносил в танец, в трактовку роли что-то свое. Вот, например, образ Петра Первого. Кто-то обратит внимание на его железную волю (как у Языкова – «железной волею Петра»), кто-то – на личные моменты, кто-то сыграет более лирично, кто-то – более драматично. Но это непременно должен быть Петр. Делать из него Ивана Грозного нельзя. Это очень интересно – создавать образы. Я вообще очень люблю театр – оперный, драматический, балет. Именно театр, потому что в концертном исполнении паде-де из классического балета исполняется по-другому. Ко-

Сцена из балета «Дон Кихот»

нечно, темперамент и энергетика должны быть обязательно. Но в концерте зрители смотрят на чистоту исполнения того или иного движения, а в спектакле – на образ. На Красса Мариса Лиёпы, Спартака Владимира Васильева, Пастуха Юрия Владимировича. Зрителю необходим эмоциональный шок. Если нет эмоционального потрясения, то как бы правильно ни был поставлен спектакль, вы можете на нем уснуть. Может быть, поэтому я устаю на речитативах в опере – мне не хватает выражения эмоций. Когда человек тело совершает сверхъестественные вещи, а человеческий дух не имеет предела в своей силе, тогда это и поражает зал. И еще, я убедился, какие бы трагические эпизоды ни показывались на сцене, зритель должен выйти из театра просветленным, возвышенным, с надеждой на что-то хорошее. Если театр убивает надежду, то это не искусство. Как говорил Моцарт, «музыка даже в самых ужасных драматических поло-

жениях должна всегда пленять слух».

– Слушаю вас с удовольствием и грустью. Получается, сейчас предназначение театра изменилось?

– Как сказать... Вообще человек постепенно теряет смысл в том, чтобы чего-то добиваться. Люди могут превратиться в роботов. Искусство-то все еще как-то держится... Посмотрите, что происходит с детьми? Дети моей подруги, им лет по шесть, приехали на дачу и не смогли уснуть. Почему? Птицы пели. Для них это был шум, понимаете? А стук по клавиатуре – не шум... Правильно Миша Козаков цитировал строки Пушкина: «Несчастный друг! среди новых поколений Докучный гость и лишний, и чужой...» Мы прожили свой век. Уходят поколения. Уходят вкус, мораль, идеалы. Это не значит, что мы лучше. Мы просто совсем другие. В наше время страна была закрыта, и люди жили только искусством. Сейчас все рассматривается

через деньги. А я в свое время сам был готов заплатить, лишь бы меня выпустили на сцену. Я понимаю, жизнь тяжелая, и всем надо зарабатывать. Состоятельным людям легко рассуждать о морали. Если человек не обеспечен, то ему трудно следовать своим принципам и оставаться верным своим взглядам. Мы пытаемся служить и богу, и злату, и это нас разрывает. Сегодня, уже прожив довольно долгую жизнь, я говорю, что духовная жизнь – самое главное. Все остальное ерунда.

– Может, я ошибаюсь, но не обесценивается ли само понятие труда?

– Конечно. Обесценивается. Я проработал в Большом театре 50 лет. 27 лет – танцовщиком. Как было в Большом? Вот вы исполнили роль, пусть даже маленькую, достойно. И к вам сразу же – уважительное отношение. Это как в Древнем Риме быть Спартаком – значит, получить свободу. Но если вы исполнили серо, то и отношение соответствующее. И вот еще какая

Михаил Барышников, Михаил Лавровский и Валерий Лагунов

вещь. Я, конечно, очень рад, что нет «железного занавеса». Но раньше этим «занавесом» можно было как-то удерживать людей. Я сам обожаю выпить, напиться – но только не во время работы. В наше время, если человек напился, или вышел на сцену под хмельком, или сорвал работу – его не увольняли, но в течение трех лет он никуда, кроме Тулы, не поехал бы. А тогда съездить в Лондон, Париж или Нью-Йорк – это было как слетать на другую планету. И они для нас были марсианами, и мы для них.

– Как мы были отделены от них «железным занавесом», так и они от нас.

– Именно. А у нас была потрясающая школа вокала, симфонической музыки, балета, драматического театра, цирка, спорта...

– То есть не только «в области балета», но и везде мы были «впереди планеты всей».

– Везде! Это было наше достоинство, наше чувство па-

триотизма. А теперь? Помню, в 90-е годы, когда уже шел развал страны, одна видная спортсменка в ответ на вопрос, почему она не поехала на Олимпиаду, открытым текстом сказала – если бы был СССР, я бы бегом побежала, чтобы привезти «золото», а сейчас у меня уже две олимпийские медали, я богата, так зачем мне ехать и мучиться? А нам говорили: «Надо!», и мы понимали – надо для страны. В патриотизме ничего плохого нет. Плох национализм. Почему я не должен любить свою страну, свой город, свой театр? Да и проигрывать стыдно. Проигрывать не в достойной борьбе, а из-за лени, серости, бездарности. Для мужчины – особенно стыдно.

– Вы родились в Тбилиси...

– Когда началась Великая Отечественная, мама ездила с бригадами на фронт. Потом уже не могла – была беременна мной. Вскоре Ленинград закрыли – блокада. Удалось вырваться в Тбилиси. Там я и родился. А День Победы встречал уже в Москве. Но вся родня – мамина

сестра, дядя, брат – была здесь. И я по полгода жил в Москве, по полгода – в Тбилиси.

– Какая атмосфера была в Тбилиси тех лет?

– Потрясающая. Теплота, любовь и поддержка. Абсолютная доброта с духом карачохели. У нас не закрывалась входная дверь. И никто не закрывал своих дверей. Я очень люблю мое детство, оно было замечательным. Сегодняшний Тбилиси – другой город. Но классические грузинские черты – гостеприимство, щедрость, слава богу, сохранились.

– Как вам работалось в Тбилисском оперном театре?

– Вообще мои самые счастливые годы – это 10 лет учебы в Московском хореографическом училище и три года работы в Тбилиси худруком театра. Я приехал по приглашению Эдуарда Шеварднадзе. Министром культуры был Отар Тактакишвили. Директором оперы – блистательный певец Зурико Анджапаридзе. Потрясающая, талантливейшая труппа

Елена Чикваидзе

па, замечательные отношения с артистами. Я получил полный карт-бланш и поставил первый джаз-балет «Порги и Бесс». Художником был Мураз Мурванидзе. Это стало огромным событием! Приехал знаменитый критик «Нью-Йорк таймс» Клайв Барнс, очень хорошо отозвался. Мы даже успели в Финляндию съездить. Потом я поставил «Ромео». Затем – «Сердце гор». Мы поехали на гастроли в Москву и имели бешеный успех. А потом руководство поменялось, и новое руководство меня не захотело. Джансуг Кахидзе – блистательный музыкант, очень талантливый дирижер, но почему-то мы с ним не сошлись. И я ушел. Впрочем, меня бы «ушли» все равно. Представьте себе, американские импресарио пригласили «Порги и Бесс» на Бродвей. Тбилисский театр первым из Советского Союза мог выступить на Бродвее! А мне об этом даже не сказали. Не сложилось... Зависть – плохая вещь. А гордыня – родная сестра глупости.

– Как вам кажется, что в вас от папы, а что от мамы?

– Трудно сказать. У меня ведь как получилось? Папа – Иванов

(он взял псевдонимом фамилию друга, которого расстреляли в Гражданскую войну), мама – Чикваидзе, а я – Лавровский. Когда я начал что-то понимать в профессии, мама уже танцевала только характерные танцы – в «Князе Игоре», например. Она была очень открытым в своих проявлениях человеком и талантливой, эмоциональной, искренней артисткой. Отец – профессионал, без намека на какой-то блат. Требовательный, принципиальный. Он мне говорил: «Ты человек независимый, так вот запомни – люди не прощают независимости». Отец нас оставил, когда мне было 9 лет. Мама очень тяжело переживала его уход. Ей было 40 лет – сложный возраст для женщины... А у меня никакого страха перед будущим не было. Все-таки тогда мы жили в простоте и доброте. Ты мог выйти в город без денег и попросить: «Тетя Маша, налей газировки». Газировка стоила копейку... Помните эпиграф к «Мастеру и Маргарите» из Гете? «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». В стране уничтожали людей, религию, а люди были духовные и верующие. Помню, я читал про перепись населения в 1937 году – 80

процентов назвали себя православными христианами. Не могу сказать, как и почему, но в те времена в людях была духовность. Правда, тем замечательным режиссерам, артистам, художникам, которые выбивались из рамок соцреализма, было тяжело. К примеру, религиозная тема. Ее могли пропустить, если вы все завуалировали и сказали, что это не религия, а просто духовный мир человека. Но если вас хотели прижать, то хороший спектакль мог и не выйти. Мне повезло – я «попал» в соцреализм. Классический балет не противоречил тезисам компартии. Только однажды Григорович так поставил «Лебединое озеро», что балет запретили. Идея была такая: если ты предал, то – все, это конец. Как вы знаете, Зигфрид предал Одетту, потом просит прощения, потом, по классической версии, убивает Злого гения. А у Григоровича бессмертный Злой гений возносился в люльке наверх. Запретили.

– Не могу не процитировать знаменитую статью «Супермен» известного английского балетного критика Клемента Криспа: «Михаил Лавровский в партии Спарта-

Михаил Лавровский с мамой на репетиции

Леонид и Михаил Лавровские

на в новом балете Большого театра, показанном на сцене Ковент Гарден, продемонстрировал самый впечатляющий мужской танец, который я когда-либо видел. Только в превосходных степнях можно описать эту поистине героическую интерпретацию: мощь физической силы, благородство переживаний, красота выражения. Такого танцевального эпоса мы еще не видели».

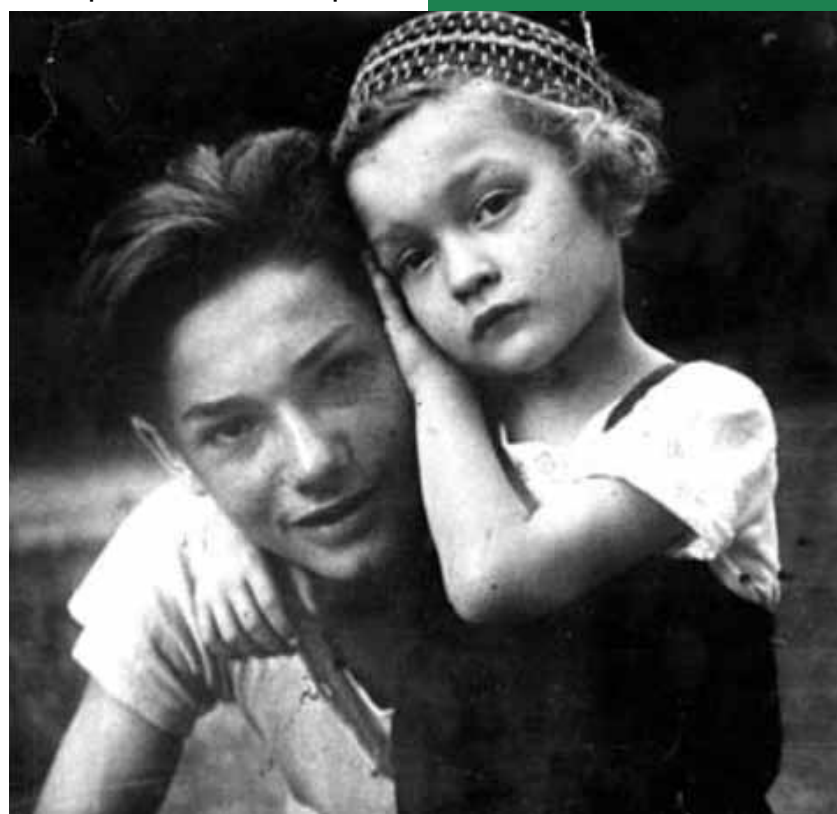
– Да, «Спартак» был моим звездным часом. И еще я очень любил «Дон Кихот». В этот спектакль на партию Базиля меня ввела легендарная балерина Раиса Стручкова. И мы с великим Алексеем Ермолаевым сделали редакцию спектакля. Она была интересной. В мое время, когда танцовщик исполнял что-то особенно удачно, ему прямо на сцене аплодировал кордебалет – конечно, не в ладоши хлопал, а веерами. Так вот, на премьере после вариации в «Дон Кохите» мне аплодировал весь кордебалет. Это очень большая честь для танцовщика, ведь кордебалет – наш самый строгий и объективный судья.

– Давайте поговорим о ваших грузинских родственниках. Например, о Гиви Бараташвили.

– Мой дорогой двоюродный брат... После его ухода мне тяжело приезжать в Тбилиси... Гиви был очень начитанным человеком, по образованию – журналист и искусствовед, выпускник Тбилисского университета и Московского института мировой литературы. Он был старше на двенадцать лет и занимался моим воспитанием. Часто рассказывал мне на ночь сказки. Только потом, повзрослев, я понял, что он рассказывал «Братьев Карамазовых» и «Анну Каренину». Вот под такие «сказки» я и засыпал. И к спорту он меня приучал. Я с детства занимался фехтованием, спортивной гимнастикой, боксом. Боролся неплохо... Со светлым чувством вспоминаю Медею Дзидзигури. Какая она была талантливая, своя, родная, добрая! А Лика Чавчавадзе? Когда я работал в Тбилиси, всегда прибежал к ней. С каким теплом она меня встречала! Вообще, она была святая. А какие у меня замечательные племянники Бидзина и Арчил!

– В вашем сыне чувству-

Гиви Бараташвили и Миша Лавровский

ется грузинская составляющая?

– Он испанец. Современный молодой испанец.

– В маму пошел...

– Да. Он умный. И в нем видны режиссерские способности деда – Леонида Лавровского.

– Что у вас происходит в творческой жизни?

– Скажу честно: ничего не хочу.

– Вот тебе и раз!

– Да. Раньше спасало честолубие. А сейчас... По утрам, хотя во мне три протеза, обязательно занимаюсь – полтора часа, с классическим уроком и физическими упражнениями, это норма для поддержания себя в форме. Когда-то неплохо рисовал... В Тбилиси много рисовал. Но уже не тянет. А вот писать продолжаю – рассказы, новеллы. В основном о своей жизни – только имена меняю. Знаете, у Геннадия Шпаликова есть замечательное стихотворение – «Никогда не возвращайся в прежние места»... Все, что было, прошло. Друзья умерли, страна поменялась, родные города не узнать... Вот приехал я

С сыном

в Тбилиси. Стекланные вышки, мосты... Да, наверное, такое тоже надо строить. Но пусть это будет отдельный район – Новый Тбилиси. Или Тбилиси-Сити. И никаких вопросов.

– Как вам кажется, эти полеты в прошлое, воспоминания, они нужны?

– Все, в том числе и вспоминать, надо делать себе в удовольствие. Я, например, не представляю жизни без чтения. Русский философ Ильин сказал: «По чтению можно узнавать и определять человека, ибо каждый из нас есть то, что он читает, и каждый человек есть то, как он читает». Обожаю Ремарка. «Три товарища» – просто потрясающе. Такая теплота, такая грусть... И перевод великолепный – стопроцентное попадание. Люблю Золя, Джека Лондона, О'Генри, Пушкина, Лермонтова... Раньше меня раздражал «Гамлет». Но однажды я увидел по телевизору фрагмент боя с Лаэртом с Полом Скоффилдом в роли Гамлета. Я оторваться не мог! И сейчас много думаю над «Гамлетом».

– Какой перевод вам ближе?

– Лозинского, конечно. Пастернака трудно учить, а текст Лозинского – сам льется.

– Дело вкуса.

– Ну, давайте сравним. У Пастернака: «Так всех нас в трусов превращает мысль, И вянет, как цветок, решимость наша В бесплодье умственного тупика, Так погибают замыслы с размахом,

В начале обещавшие успех, От долгих отлагательств. Но довольно!». А у Лозинского... Сейчас вспомню... «Так трусами нас делает раздумье, И так решимости природный цвет Хирует под налетом мысли бледным, И начинанья, взнесшиеся мощно, Сворачивая в сторону

«От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита: И с нищим, и с царем она равно крута. Чтoб с наслажденьем жить, живи для наслажденья, Все прочее – поверь! – одна лишь суета». Хорошая мысль! Но, понимаете, если все бессмысленно – то нет смысла и в жизни. Прав Достоевский – если бога нет, все позволено. «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе», – так сказано в Евангелии. Испытаний много. Но если ты, Гамлет, мыслишь, думаешь, сомневаешься, то появляется смысл... Гамлет – интересная личность. Нельзя сказать, что он слабый, нет. Он

свой ход, Теряют имя действия. Но тише!» Легко учить. И кратко сказано.

– Много Гамлетов видели?

– Конечно. Высоцкого, например. Он потрясающий бард, гениальная личность и он великолепен в фильме «Место встречи изменить нельзя». Но Гамлета в театре на Таганке сделал Любимов. Высоцкий сам Гамлета не потянул бы.

– Как вы думаете, Гамлет сильный или слабый?

– Сейчас скажу. Вопрос интересный... Мне нравятся его идеи познания мира, его размышления. Быть или не быть? Покоряться или нет? У Омара Хайяма есть четверостишие:

философ, и он долго мыслил, чтобы прийти к своим умозаключениям.

– Так каков же вывод? Жизнь должна быть борьбой или наслаждением?

– Если будет борьба, то будет и наслаждение. Как сказал Гераклит, «все возникает через борьбу». Каждому – свой путь. Каждому – своя борьба. Главное – не терять себя, верить в себя и достойно нести свою миссию.

«Русский клуб» от всего сердца поздравляет Михаила Леонидовича Лавровского с 80-летием! Здоровья, бодрости духа, благоденствия! Надеемся на новые встречи!

Алексей Федорченко на встрече со зрителями

ХУДОЖНИК-УЧЕНЫЙ АЛЕКСЕЙ ФЕДОРЧЕНКО

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Не удивлюсь, если в один прекрасный день узнаю, что российский режиссер Алексей Станиславович Федорченко отправился в космическое путешествие. Тем более, что сегодня это становится вполне возможным для простых смертных. И, наверное, в первую очередь, для таких, как Федорченко – сильных, смелых, ищущих, любознательных. Первооткрывателей и искателей по сути своей. Ведь не случайно его первая игровая картина называлась «Первые на Луне». Поэтому не удивилась, когда узнала о том, что уже ставший знаменитостью мастер кинематографа решил отправиться в рискованное путешествие по просторам театральной Вселенной – попробовать себя и в качестве театрального режиссера. Сам Алексей считает это логичным развитием событий в своей не-

спокойной жизни исследователя. «Когда мне исполнилось 35, я работал директором и бухгалтером. Подумал – нужно побаловать себя и сменить вид деятельности: стал снимать кино. В 45 решил побаловать себя и написал книжку, издал в толстом журнале. В 50 решил собрать новую библиотеку, коллекцию книг по дорогой моему сердцу теме – собрал. И вот – 55. Опять сделал себе подарок: поставил спектакль! Давно хочу. С детства собирался попробовать себя в театре. Решил, что дальше тянуть уже некуда», – говорит он. Новый опыт себя оправдал: его театральную работу, премьера которой состоялась в сентябре в его родном городе Екатеринбурге, в Центре современной драматургии, оценили высоко. Приведем только одну цитату, в которой вновь используется слово «космос»:

«Дебют Алексея Федорченко как сценариста и театрального режиссера не то, что удачный, это сразу космос: на крошечной сцене буквально стикерами/пирамидками/шариками показана Эпоха; а уж какая история и сколько мудрого, трагичного всего за этим смехом, простотой и танцами... круче кино, правда!». А героем своей постановки «Как я обманул всех и Бога» – пьеса, написанная самим режиссером в соавторстве с Лидией Канашовой, называется «Вторая бар-мицва» – он выбрал человека необычного, под стать самому себе: это не кто иной, как американский предприниматель, коллекционер искусства Арманд Хаммер, проживший долгую и необычайно яркую жизнь. Жанр своего спектакля Алексей Федорченко определил в соответствии с этим: праздник-драма.

Элементы театральности просматриваются и в киноработах Алексея Станиславовича, в которых он создает абсурдный, странный, очень эмоциональный, завораживающий мир, существующий по законам поэтического и магического реализма. А за ним – конкретные

Вячеслав Шмыров представляет фильм Алексея Федорченко

социально-исторические, политические, культурные явления. Как правило, новые работы Алексея Федорченко показывают и в Грузии, в рамках Батумской международной киношколы молодых кинематографистов «Содружество»: режиссер является ее постоянным участником. В нынешнем году он представил свою очередную, необычную картину для элитарного зрителя – психоаналитический детектив «Последняя «Милая Болгария», в основе которого – автобиографическая повесть Михаила Зощенко «Перед восходом солнца».

– Впервые прочитал книгу Зощенко в школе лет сорок назад, – рассказал режиссер. – Мне уже тогда показалось, что это абсолютное кино. Лет через двадцать я вернулся к повести Михаила Зощенко и с удивлением узнал, что никто из кинематографистов не пытался ее экранизировать. Все очень боялись этой книги. Казалось, она неподъемная. Это не только автобиография писателя. Там более 100 микроновелл, историй из жизни Зощенко.

Больше половины занимает

психологический анализ всех этих событий. Когда я написал первый вариант сценария, он был рассчитан на 4-5 часов. Но вот в 2017 году, когда мы с Лидией Конашовой стали писать сценарий, то придумали альтер-эго Зощенко и «разделили» его историю на два человека – «потерпевшего» и «исследователя». Придумали, что исследователь – селекционер, сочинили историю с яблоком особого сорта «милая Болгария». Никакими литературными источниками она не питалась. Я прочитал отчет биолога и селекционера Ивана Мичурина за 50 лет работы. Прекрасная книга, в которой ученый описывает каждый сорт яблок так, что это напоминает древнекитайское стихотворение. И мне так это понравилось, что в фильме возник образ селекционера, товарища Леонида. К этому добавилась история киностудии и режиссера Сергея Эйзенштейна, ставившего в эвакуационной Алма-Ате свой шедевр про Ивана Грозного. Интересно было отметить, что все дневники творческой интеллигенции того времени словно написаны одним человеком. Воспоминания

Зощенко, Эйзенштейна, Прокофьева читать страшно. Они все отражают одно состояние – глубочайшую депрессию и попытку найти выход из нее. Только что закончился большой террор, многие друзья, знакомые были уничтожены. Началась война. И как она закончится, было непонятно. И, конечно, Зощенко провел титаническую работу, не только исследуя анатомию своей депрессии, меланхолии, но и меланхолии целого поколения. Но время догнало фильм. Он стал достаточно актуальным и похожим на сегодняшний день.

– В «Болгарии» есть какой-то удивительный секрет! Фильм очень взволновал, эмоционально потряс. Прежде всего искусство должно потрясать, потом уже мозги включаются, не так ли? Хотя, конечно, для полноценного восприятия фильма необходима определенная искусственность в области кино, ведь в «Болгарии» много аллюзий. В картине словно соединяются разные жанры, прочитывается эстетика декоративности, театральности.

– Нет, это чистое кино, там нет театральности.

– Форма возникла сразу?

– Цветовое решение, стиль плоских экранов появились с самого начала. Сразу возник... камыш. Все декорации за неимением фанеры создавались из камыша – их доставляли на съемки в огромных количествах и обмазывали цементом, выстраивая таким образом стены. Закупили чуть ли не весь урожай камыша в нашей стране. Искали по разным городам. Построили и Дворцовую площадь, и набережную Невы, и окопы Первой мировой войны. Камыши – очень благодарный, интересный материал, с которым хотелось бы еще работать...

А вот полиэкран (экран, на котором дается одновременно несколько изображений; множественный экран. – И.Б.) возник во время съемок, я снял несколько сцен и понял, что мне не хватает обычного экрана, нужно разнообразие. Первые сцены я даже не вставил в фильм, потому что их нельзя было сделать полиэкраном. Я их выбросил и дальше стал снимать полиэкраном.

– Что вы стремились выразить полиэкраном?

– Этим монтажным приемом я показывал сознание другого человека. Если вы вспоминаете какую-то свою историю, то будете это делать достаточно линейно. Но когда прочитаете чужую историю и будете ее представлять, то как она будет выглядеть, в каком ракурсе, вы не совсем понимаете и будете воображать ее одновременно в разных ракурсах. Поэтому и возник полиэкран. При этом мы не снимали одновременно двумя камерами, каждый экран снят отдельным дублем. Благодаря этому возникли небольшие несостыковки в оценках, эмоциях, действиях. Я даже добивался, чтобы действие в одном кадре полиэкрана было чуть иным, чем в другом. За счет этого рождался странный мир, аморфное сознание.

В автобиографической повести Михаила Зощенко огромные страницы рассуждений о том

или ином событии, времени. У меня в сценарии только военных эпизодов было пять, в итоге остался один. И нужно было сокращать, сокращать. Оставляя самое главное из тех событий, историй, которые могли повлиять на характер, меланхолию моего героя.

– Когда вы осознали, что должны заниматься кинематографом, что это ваше?

– Я случайно попал на киностудию, по образованию я экономист и работал на оборонном заводе. Поработал два года, и мне захотелось большей свободы – там был жесткий график с 8 до 6, и я так к нему и не привык. Пошел в первое попавшее место – на киностудию, где у меня был совершенно свободный график, но зарплата в два раза меньше. Я работал экономистом в киностудии хроникально-документальных филь-

мов. Потом был замдиректора по экономике, директором продюсерского управления. Затем случайно снял фильм. Режиссер по каким-то своим соображениям отказался работать, а мне нужно было сдавать картину. В итоге мне пришлось снять документальный фильм, и он неожиданно победил на нескольких международных фестивалях – в Стокгольме, Берлине, Варшаве. Так же случайно я снял первый игровой фильм. Сценарий мне очень нравился, но никто не хотел его снимать. Потому что он был очень странный. В итоге я решил снять сам. Это был фильм «Первые на Луне». И когда он победил в Венеции – получил премию за лучший документальный фильм в конкурсной программе «Горизонты», а также стал обладателем призов «За лучший дебют» и «Гильдии киноведов и кинокритиков» на фестивале «Кинотавр», приза

Алексей Федорченко

в которых он только что побывал. Он (селекционер Леонид) строит чертоги сознания другого человека (писатель Семен Курочкин – реальный псевдоним Михаила Зощенко), и здесь любые решения возможны. Половина фильма – реальный пласт. А другая половина – мир полиэкранный...

Прежде чем писать сценарий, я обычно провожу большую научную работу. Мне кажется, мои фильмы получаются такими сказочными, потому что полностью базируются на документальных фактах. В «Милой Болгарии» все тоже основано на документах – каждая фраза, каждый объект... И театр Кабуки, и мексиканские игрушки в картине – все это было на самом деле! Мне как раз нравится, что я снимаю документальные сказки.

«Золотая коляска» в Загребе, трех премий Гильдии киноведов и кинокритики «Белый слон»: «лучший фильм-дебют», «лучший сценарий», «лучшая работа художника», глупо было не продолжить заниматься кино. Так что все произошло случайно, я не собирался быть режиссером. Честно говоря, я и не чувствую себя режиссером. Каждый фильм я начинаю с совершенно чистого листа.

– Поэтому ваши фильмы такие разные, не похожие друг на друга.

– Скучно делать похожие картины, я за разнообразие. Каждый фильм шепчет свои стиливые решения. «Война Анны» – это абсолютный реализм, ми-

нимализм. «Милая Болгария» подсказала поливариативность решений. Актеры работают покиношному, просто мир вокруг них построен фантастический, это не воспоминания человека о своей жизни, а это мысли, фантазии другого человека о пространстве, которого он совсем не знает. Герой, парнишка из деревни, представляет неизвестный ему мир, ориентируясь на недостроенные декорации,

Научная работа занимает примерно полгода. Когда я готовился к съемкам фильма «Небесные жены луговых мари», то был лучшим специалистом по мифологии марийского народа. Когда снимал «Ангелы революции», то не знаю, кто больше меня прочитал книг про русский авангард и мифологию хантов и ненцев. Я только биографий авангардистов прочитал 400. Из них я по ниточке собирал био-

«Милая Болгария»

графии своих героев. И так я работаю над каждым фильмом. Мне это чуть ли не интереснее, чем все остальное – я говорю о научной работе.

– Можно говорить о новой профессии – режиссер-исследователь. Соединение художника и ученого. Это жажда погружения вглубь материала или повышенное чувство ответственности: если что-то отражать на экране, то это должно быть достоверно, и поэтому вы должны стопроцентно владеть материалом?

– И то, и другое. И еще паническая боязнь штампов. Я ненавижу штампы, которые переходят из фильма в фильм. Снимают про революцию, и в разных картинах можно найти одни и те же кадры. «Вся власть советам!» на красном полотнище. Красноармейцы в буденновках, с винтовками. И матросы... Если это фильмы про северные народы, то тоже видишь одно и то же. О штампах можно написать серьезную научную работу. Хотя та же ре-

волюция настолько удивительна, страшна и многообразна, что можно сделать с десяток фильмов, не повторяющихся по стилистике. Я этим серьезно научно занимаюсь – 20-30-40 годами прошлого столетия. Это, наверное, сегодня основная сфера моих интересов.

– Обычно всегда кого-то с кем-то сравнивают. В вашем случае абсолютное ощущение, что никаких влияний киноклассиков вы не испытали.

– Не испытал потому, что почти ничего не видел. Я, конечно, всех знаю и представляю, кто есть кто. Но слово «референс» (от английского «ссылка, отсылка, упоминание. – И.Б.) у нас на площадке запрещено. Если это похоже на что-то, мы находим другой вариант. И когда говорят, что полиэкранный придумал британский художник и кинорежиссер Питер Гринуэй, я отвечаю: «Посмотрите после «Болгарии» Гринуэя. Это совершенно другой уровень. Гринуэй по сравнению с нашей картиной – детский сад.

Только что закончил фильм «Большие змеи Улли-Кале» об отношениях России и Кавказа, об их влиянии друг на друга, снятый в стилистике немого кино начала века. Там буйство решений: и анимация, и документальный фильм начала века, и салонное кино, и первые открытия в кадровом монтаже.

– Кавказ – тема актуальная, животрепещущая всегда. В чем новизна вашего исследовательского и художнического подхода?

– Это абсолютное открытие в кино. Очень много находок в киноязыке. Я поражаюсь тому, что мы сделали. Такого фильма еще не было. Я пытался рассказать об отношениях России и Кавказа. О том, как Кавказ повлиял на Россию и как Россия повлияла на Кавказ. Это 100 лет с начала XIX до начала XX века. Широкое распространение и закрепление ислама на Северном Кавказе произошло в XIX веке, хотя он пришел туда намного раньше. А в начале XX века – это кончина в 1910 году Льва

«Война Анны»

Толстого, смерть в 1913 году чеченского абрека Зелимхана. С российской стороны с Кавказом связаны имена Лермонтова, Пушкина, Толстого, даже Гоголя, хотя он и не бывал на Кавказе... А со стороны Кавказа у нас фигурируют и Шамиль, и Газимагомед, и суфийские шейхи, и Кунта-Хаджи Кишиев. Эти персонажи никогда не появлялись на экране. Хотя великий философ Кишиев дал толчок философии Толстого. Лев Николаевич – фактически ученик Кунта-Хаджи. Об этом факте у нас практически никто не знает. Мне было также очень интересно заниматься тем, как чеченский, вайнахский суфизм повлиял на российскую культуру.

– **Откуда интерес к этой теме? Почему он возник?**

– О, у меня интерес огромный... даже не представляете, какой...

– **Говорят, что у вас вообще**

огромное количество идей!

– Очень много историй, идей, которые неизвестно откуда возникают. Мне все интересно.

– **Какая-то инспирация? Может быть, миссия?**

– Да нет, просто много читаю. Информация приходит! У меня огромная библиотека. По сегодняшним меркам – вообще гигантская. У меня коллекция репрессированных авторов, ученых, которые занимались всеми направлениями науки. Репрессировали же целыми профессиями – и геологов, и биологов, и востоковедов, и археологов, и филологов. И мы об этих людях уже ничего не знаем. Когда начинаешь собирать и читать эти книги, то понимаешь, какой мы потеряли генофонд. Я называю их Эльфийскими книгами. Даже сами заголовки – уже произведения искусства. Работа на грани науки и искусства – то, чем я сейчас занимаюсь. Моя основная

сфера интересов сегодня – эта коллекция. И каждый день приходят удивительные судьбы, факты, истории. Если делать по ним кино, десяти жизней не хватит. Так что там мне интереснее... больше информации, больше эмоций.

– **Уроки истории ничему не учат, и человек лучше не становится. В чем тогда их смысл, если ничего не усваивается?**

– Ну и что теперь? Быдлом быть? Не хочется. Нужно заниматься творчеством, наукой, биться с мракобесием, тоталитаризмом, быть популяризатором каких-то научных идей. Это не то, что миссия, это обычная, интересная работа, которой нужно сейчас заниматься всем образованным людям.

– **И просвещать массы?**

– Да... просвещать массы!

И СНОВА – ГАСТРОЛИ!

Соб. инф.

Юбилейный, 175-й, сезон Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, по понятным причинам оказался до обидного коротким – он начался 2 апреля и окончился 31 мая. Грибоедовский открылся первым из всех грузинских театров и показал сразу две премьеры, подготовленные в период изоляции, – «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя и «Иван Васильевич» М. Булгакова. Но два месяца – это все-таки очень мало. И потому, закрыв сезон, грибоедовцы продолжили играть. Тем более, что зрители очень соскучились по любимому театру и ожидали его приезда с нетерпением.

Летом и в начале осени театр совершил сразу несколько гастрольных поездок – по регионам Грузии (Гурия, Абхазия, Самегрело, Имерети) и за рубеж – в Беларусь.

Для гастролей по Грузии был выбран спектакль «Маугли» в постановке Вахтанга Николава – веселое, красочное представление с танцами, песнями, акробатикой и превращениями,

которое одинаково радует и детей, и взрослых. Отличная музыка, виртуозная хореография, замечательные актерские работы (при том, что постановка очень сложная по физической нагрузке), великолепные декорации и освещение – все это превращает «Маугли» в незабываемое зрелище.

Благодарные зрители

Первыми спектаклю аплодировали зрители Озургети в Гурии – в июне грибоедовцы выступили на сцене одного из старейших грузинских театров, Озургетского драматического театра имени Александра Цуцунава, недавно отметившего свое 150-летие. А в июле «Маугли» был с успехом представлен

Театр в Сенаки

в Батумском драматическом театре имени Ильи Чавчавадзе.

В сентябре, еще до открытия театрального сезона, Грибоедовский вновь отправился на гастроли – театр был приглашен к участию в XXV, юбилейном, Международном театральном фестивале «Белая Вежа» в Бресте с документальной драмой Автандила Варсимашвили «А.Л.Ж.И.Р. Акмолинский лагерь жен изменников Родины».

Напомним, что спектакль, поставленный в 2017 году, уже завоевал известность в современном театральном мире: он побывал во многих городах и странах, принимал участие в целом ряде фестивалей, является обладателем Приза зрительских симпатий XXVII Международного театрального фестиваля «Балтийский дом» (Санкт-Петербург) и Национальной премии имени Верико Анджапаридзе, причем впервые премию получила не

У входа в Кутаисский драматический театр

одна актриса, а все семь исполнительниц, занятых в спектакле. Грибоедовцев в Бресте ждали с нетерпением – билеты на спектакль были раскуплены задолго до начала фестиваля. Ожидания себя оправдали – искусственные театралы наградили спектакль долгими овациями, «А.Л.Ж.И.Р.» был удостоен Диплома лауреата фестиваля и специального Диплома «За искренность исторической памяти».

Особо подчеркнем, что в спектакль блистательно ввелась новая исполнительница – Ирина Мегвинетухцеси, хотя перед ней стояли чрезвычайно сложные задачи как в профессиональном плане – войти в уже слаженный ансамбль, так и в человеческом – заменить свою коллегу и подругу Людмилу Артемову-Мгебришвили, которая покинула нас столь внезапно в мае этого года...

По возвращении в Тбилиси грибоедовцы продолжили гастроли по регионам Грузии и показали представление «Маугли» в Сенаки (Самегрело) и Кутаиси (Имерети).

Сухой язык информационного сообщения в данном случае не к месту, поэтому скажем со всей искренностью – грибоедовцы подарили своим маленьким зрителям (да и взрослым

Сцена из спектакля «Маугли»

Встреча со зрителями

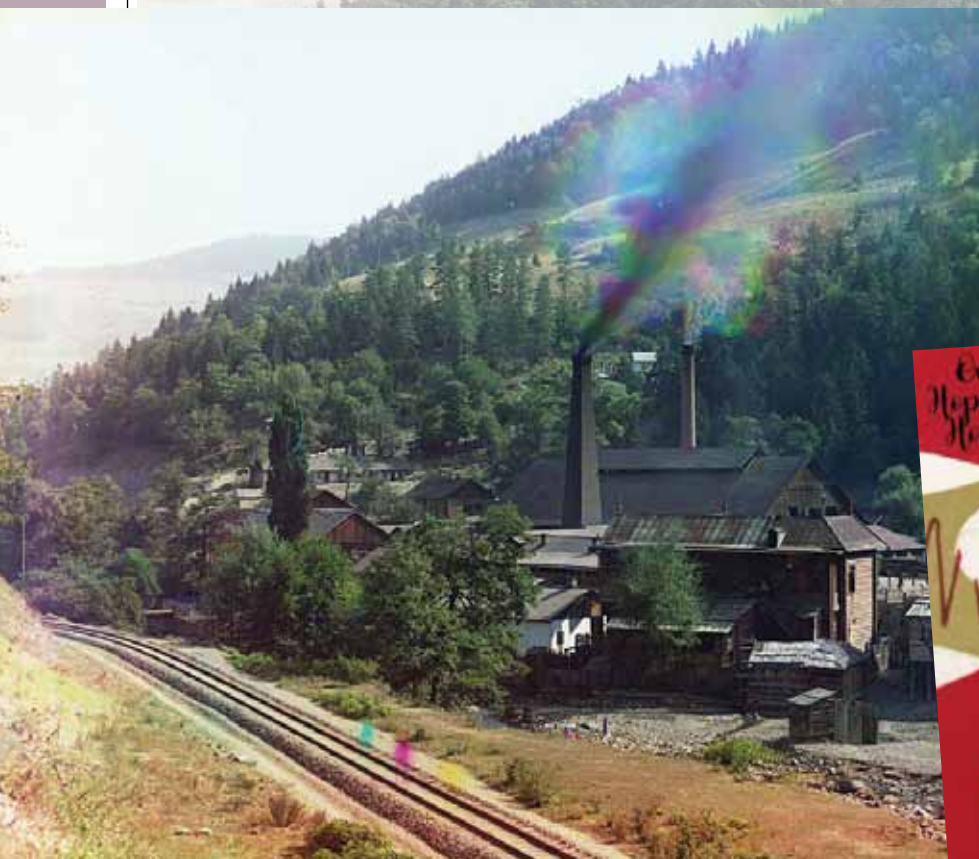
тоже) самый настоящий праздник. Реакция публики не заставила себя ждать. Зал Сенакского драматического театра им. Акакия Хоравы, только что открывшегося после реставрации и отметившего свое 140-летие, был переполнен, несмотря на проливной дождь, а представление продлилось на 15 минут дольше обычного – дети горячо аплодировали героям прямо по ходу спектакля. А после успешного показа коллеги преподнесли грибоедовцам торт, и не просто отменно вкусный, но и «именной» – под названием «Маугли». Разумеется, честь разрезать сладкий подарок была доверена исполнителю заглавной роли – Мерабу Кусикашвили.

Выступать на сцене Кутаисского драматического театра имени Ладо Месхишвили – особая честь для любого коллектива, ведь это театральная легенда Грузии. Первое представление на этой сцене было сыграно 160 лет назад – в 1861 году. На протяжении 10 лет, начиная с 1894 года, театром руководил выдающийся актер и режиссер, новатор и реформатор Ладо Месхишвили, а ведущими артистами были знаменитые Валериан Гуния и Юза Зардалишвили. В конце 1920-х гг. театр возглавлял Котэ Марджанишвили.

В Кутаиси гастролеров ожидал сюрприз в финале – удивительный поклон, какого в истории Грибоедовского театра еще не было: закончился спектакль, артисты вышли кланяться – и тут на сцену выскочили маленькие зрители. Их восторгу не было предела, и они стояли у рампы, хлопая и пританцовывая до тех пор, пока не отгремели аплодисменты в зале. А потом – побежали фотографироваться с персонажами «Маугли».

Такие успешные, счастливые гастроли (да еще в наши непростые времена) запоминаются надолго – ведь это огромная радость для всех: и для зрителей, и для артистов.

Как сказал поэт, «и стоило жить, и работать стоило!»

Стекольный завод в Боржоми и реклама фирмы Джорджа Коби

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Рачинское село Тхмори известно далеко не каждому даже в Грузии. Это название можно увидеть чаще всего в туристических справочниках как упоминание о живописном водопаде, который «называется Тхмори – как и близлежащее село, а находится на таинственной речке Шареула, на ее притоке». Ну, а сами жители этого села в Амбролаурском районе гордятся тем, что его можно считать вошедшим в историю не только Грузии, но и... Соединенных Штатов Америки. Ведь именно здесь родился Григол Кобахидзе, который стал первым грузином – долларовым миллионером, без которого не было бы многих небоскребов и которого в первой половине прошлого века американцы называли одним из королей химической и стекольной промышленности Джорджем Коби.

Родился он в крестьянской семье в 1883 году, начальное

образование получил дома, затем у сельского священника. Тот поражен музыкальным слухом мальчика, рассчитывает на то, что он будет петь в церковном хоре, но... Решив, что учебы с него хватит, 10-летний Григол сбегает из дома. Как лермонтовский Мцыри, он «знал одной лишь думы власть, одну – но пламенную страсть»: самому зарабатывать на жизнь, причем рядом со старшим братом Леваном. Ведь тот – машинист на набирающем обороты и известность Боржомском стекольном заводе.

До заветного Боржома мальчик добирается, естественно, пешком. Это сейчас из Амбролаурского района туда можно доехать за 3,5 часа. А в конце XIX века пешеходу, да еще столь юному, требуется больше суток. И Григол идет через Кутаиси, Зестафони, Сурами, Хашури... Переночевать удается у добрых людей, которые не только приютили, но и накормили

целустремленного странника.

Нельзя сказать, что Леван в восторге от неожиданного появления брата – времени на присмотр за ним нет. Но Григол заявляет, что пришел работать и ни в какой опеке не нуждается. И машинисту ничего не остается, как известить родителей, что с мальчиком все в порядке, и они работают вместе. Ведь рабочие руки очень нужны развивающемуся производству, и завод – место притяжения для многих крестьян, ищущих заработков.

Этот завод, как и весь Боржом – наследственное владение царской династии Романовых. В 1871 году здесь гостил император Александр II, который и подарил курорт в вечное владение своему брату Михаилу. И тот становится не только великим князем, а еще и князем Грузинским. И в качестве такового всячески заботится о благоустройстве Боржома. В частности, строит в 1896 году

Село Тхмори

стекольный завод. Там, вместе с другими, и начинает вручную выдувать бутылки Григол Кобахидзе. Кстати, уже после его ухода с завода это выдувание шло вручную аж до 1950 года.

Григол работает там четыре года и успевает ознакомиться со всеми технологическими процессами стекольного и бутылочного производств. Результат которых – 320 тысяч бутылок с минеральной водой в год. А за год до этого в газетах появляется объявление о «продаже минеральной воды «Боржом» вагонами». Во всем этом есть и значительная лепта Григола Кобахидзе, который предлагает новый метод увеличения выпуска бутылок.

Это, говоря более поздним языком, рационализаторское предложение приводит в восторг управляющего заводом Шумана. И тот не преминул представить автора великому князю Михаилу Романову, когда августейший визитер пожаловал на завод вместе со своим другом, князем Константином Багратиони-Мухранским. За такие дела в то время поощряли не почетной грамотой, устная благодарность при многолюдной аудитории обязательно сопровождалась и неплохим денежным вознаграждением. Что и было сделано.

А еще на юношу обращает

внимание один из инженеров, которые ближе всех к производству. Фамилия его Симонов. Он и приглашает Кобахидзе на новое место работы. Некоторые исследователи утверждают сейчас, что этим местом был некий «Тбилисский стекольный завод». Но ни в одном источнике не удается найти упоминание о том, что в грузинской столице находилось такое предприятие. Стекольный завод был в Тифлисской губернии, но существовал он не в городе на Куре, а километрах в ста от него, в Борчалинском уезде, на территории нынешнего Дманисского района.

Немецкий колонист барон фон Кученбах обустроил стекольный завод в своем имении недалеко от села Сафарло потому, что там оказалось немало природного сырья для производства стекла, в том числе кварцевого песка и пиритов. Тифлисский уезд участвовал лишь поставками глауберовой соли. Изделия завода были весьма высокого качества и имели значительный ассортимент. Фактически это был единственный на Южном Кавказе стекольный завод, поставлявший продукцию высокого качества не только всему региону, но и в Персию.

Так что Григол участвует в создании всевозможных фигур-

ных бутылок, ламповых стекол, банок, разнокалиберной посуды и т.д. Это – отличная профессиональная школа, определяющая весь его дальнейший жизненный путь. И если бы он слышал о Михаиле Ломоносове, то мог бы сказать словами этого ученого и поэта: «Неправо о вещах те думают... которые Стекло чтут ниже Минералов, пою перед тобой в восторге похвалу не камням дорогим, ни злату, но Стеклу... Ко Стеклу весь труд свой

Григол Кобахидзе

Рабочие Боржомского стекольного завода

приложу». Выходец из Тхмори «прилагает ко Стеклу» всю свою жизнь.

Барон фон Кученбах принимает на свой завод в основном семейных людей, даже строит для них дома. И то, что 19-летний парень вынуждает его отступить от этого принципа, свидетельствует о мастерстве новичка. Кобахидзе работает на этом заводе пять лет, увеличивая свой опыт. А затем все тот же Симонов в 1902 году переезжает в Одессу и уговаривает Григола ехать вместе с ним. В отличие от предыдущего места работы, Одесский завод обслуживает не весь регион, а в основном свой город. Его продукция в первую очередь поставляется в местные рестораны. И опыт этой работы тоже пригождается Григолу.

Но появляются и проблемы: рабочие одесских предприятий, в том числе и этого завода – в первых рядах революционного движения. Вместе с ними – и студенты-грузины, с которыми не

может не сблизиться их земляк-стекловар. И в итоге он оказывается в рядах демонстрантов, под антиправительственными лозунгами. Затем, естественно – кутузка, но от дальнейших неприятностей спасает все тот же Симонов. Который затем, в 1903-м году, уговаривает Григола вообще уехать из Одессы и перебраться в поселок Константиновка, где его навыки могут пригодиться ко двору.

Сейчас Константиновка – город в Донецкой области, центр стекольной промышленности Украины с единственным в стране Научно-исследовательским институтом стекла. Именно здесь в советское время изготавливают звезды для московского Кремля из рубинового стекла, хрустальный саркофаг для мавзолея Ленина и хрустальный фонтан высотой 4,5 метра для Всемирной выставки 1939 года в Нью-Йорке. А основы всего этого закладываются в конце XIX века, незадолго до появления там Григола Кобахидзе.

Название будущему крупному промышленному центру дает деревенька в Сантуриновской волости Бахмутского уезда Украины. По сообщению справочника «Списки населенных мест Российской империи» за 1859 год, она «на почтовой дороге из г. Бахмута в г. Екатеринослав... при р. Кривой Торец от уездного города в двадцати верстах». Через 11 лет рядом с ней заработала Курско-Харьковско-Азовская железная дорога и появляются железопрокатный, зеркальный, стеклянный, бутылочный и химический заводы.

Вокруг этих заводов и образуется единый населенный пункт. В 1896 году Комитет министров Российской империи разрешает Бельгийскому акционерному обществу «открыть свои действия по устройству и эксплуатации стекольного завода». Одни из организаторов этого дела – отец и сын Луи и Фернанд Ламберты, представители династии, весьма известной на международном рынке стекла.

Благодаря их усилиям уже в 1897-м – первом году работы выпускается около 2 миллионов бутылок!

Все это необходимо знать, чтобы понять: масштаб нового места работы Кобахидзе несравнимо больше всех предыдущих производств. Константиновка становится для него уже не школой, а университетом в профессии стеклодува. Как указывается в официальных документах, там выпускаются «бутылки четырех цветов: зеленые, темно-зеленые, желтые и полубелые – «монопольные» (водочные – В.Г.), пивные, винные, хересные, шампанские, сельтерские и другие». При такой постановке дела для Григола уже не остается ничего неизученного.

В том же 1903-м, когда он приезжает в Константиновку, директором-распорядителем тамошнего стекольного завода назначается инженер Валентин Гомон, сыгравший значительную роль в судьбе молодого грузина. Он обращает внимание на одного из лучших рабочих не только потому, что тот на предыдущих местах работы научился свободно говорить на русском и немецком. У Кобахидзе недюжинная сила, которая может пригодиться не только в цехах.

Дело в том, что в конце XIX – начале XX веков российские цирковые арены охватила «эпидемия» борцовских соревнований. Людей всех сословий так же, как сейчас футбол, собирает французская, она же – греко-римская, она же – классическая борьба. В которой нельзя хватать соперника ниже пояса. На аренах выступают борцы известные и не очень, профессионалы и любители, иногда в масках, часто под пышными титулами. Организуются чемпионаты всех рангов, нередко «самозванные».

Не минует это повальное увлечение и Константиновку. Стационарного цирка в ней никогда не было, и борцовские страсти кипят в цирке-шапито. Естественно, такие знаменитости, как Иван Поддубный, Иван Заикин, Иван Шемякин, Георг Лурих в эти края не заглядывают, а вот любительские схватки кипят вовсю. Причем ставки на

победителей делаются солидные. На этом и решает сыграть господин Гомон, проявляя не только профессионализм в стекольном деле, но деловую хватку вне его.

Директор-распорядитель готовит из силача-грузина борца и становится, говоря по современному, его спонсором и менеджером. Он находит тренера, оплачивает занятия и вскоре Григол с успехом выступает на арене. Впрочем, секрет этого успеха и в следующем: какой же мальчишка из грузинского села не наблюдал, как борются старшие? Навыки этого спорта у него в крови и, в сочетании с оттачиванием мастерства, это приносит немало побед, на которые делает денежные ставки предприимчивый Гомон. И это приносит обоим неплохой дополнительный доход.

Помимо директора-спонсора в «ближнем кругу» Григола – девушка со шведскими корнями Даша Нодвикова и коллега Евгений Игнатъев. А вот среди просто приятелей по работе в 1905-1907 годах вновь появляются антиправительственные

бунтари. Не будем забывать, что это – годы первой российской революции. Движущая сила которой, как известно, – пролетариат. И в Константиновке эта сила, подпитываемая агитаторами-социалистами, действует вовсю. На заводе даже появляется первая легальная рабочая организация – касса взаимопомощи, шаг к запрещенному профсоюзу. Кобахидзе не замечен среди ярых бунтарей, но в неблагоприятные попадает.

В этом статусе ему грозит высылка в Сибирь, но на помощь приходит Гомон. Он убеждает власти, что этот грузин, как говорится, ценный кадр и возвращает его и в цеха, и на арену. Но им обоим ясно: так, как прежде, уже не будет. И Валентин Людвигович советует Григолу Давидовичу покинуть Константиновку. Причем не просто покинуть, а во избежание дальнейших приключений вообще уехать за границу. Тем более, что он уже семейный человек – отношения с Дашей Нодвиковой завершаются свадьбой.

Весной 1907-го Григол следует этому совету и отправля-

Изделия завода фон Кученбаха на Кавказской юбилейной выставке сельского хозяйства и промышленности в Тифлисе. 1901 г.

Штамп Одесского стекольного завода

ется в Германию. Делает он это весьма своевременно. В мае того же года на квартире его коллеги, бутылочного мастера Франца Ляо проводят обыск и находят 2.500 экземпляров подпольной литературы. В том числе и письмо с разъяснением политики Социал-демократической фракции во 2-й Думе и призывом к объединению в борьбе с самодержавием. После этого начинаются аресты.

В общем, Григол вполне мог «загреметь» вместе с другими. Ведь в то время полиция не особо разбирается в степени виновности «неблагонадежных лиц». А так он вполне благополучно обосновывается в Мюнхене. Как мы помним, немецким языком он владеет, дело знает, характер у него общительный. Так что в кругу тамошних специалистов он становится своим человеком. И с их помощью организует уже собственное, пусть и небольшое, производство стекольной продукции.

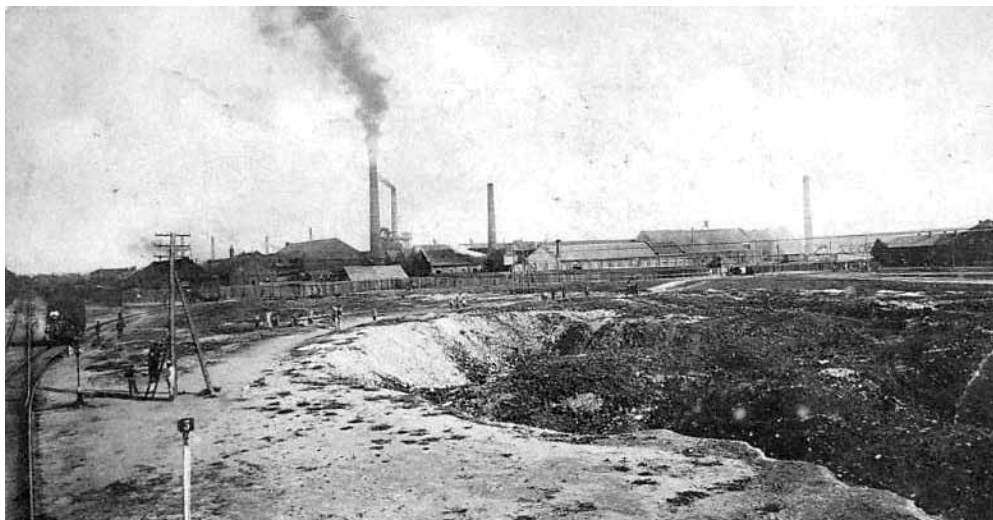
Меньше чем за год он обретает друзей, возмещает все затраты, начинает получать неплохие доходы. Но, увы, во все времена, во всех странах были и остаются агрессивные, националистически настроенные горе-патриоты. И в одно не прекрасное утро, придя на работу, Григол видит и оборудование, и продукцию разгромленными. А на стене, над обломками – лист бумаги с надписью: «Русский медведь, убирайся в свою грязную Россию!».

Несмотря на то, что русским он не был, а медведя лишь пару раз видел в цирке, Кобахидзе не хочет оставаться в Германии. Не помогают и многочисленные просьбы немецких друзей. В начале 1908 года он уезжает в Англию, потому что считает: в этой стране не может произойти то, что было с его бизнесом в Мюнхене. И начинает работать на одном из стекольных заводов Лондона простым рабочим.

Вспомнив Грузию, он и здесь занимается «новаторством» – использует новый метод уско-

в тайне от всех сажает его с женой на корабль и отправляет в... Америку. В августе 1909 Григол и Даша сходят по трапу в порту Нью-Йорка. Они – среди многих тысяч жителей Старого Света, приехавших в поисках удачи в «страну больших возможностей».

Приезжая в чужую страну, люди в первую очередь стремятся найти земляков. Чета Кобахидзе не исключение, хотя в то время найти грузина в Америке куда труднее, чем сейчас. До создания Ассоциации гру-

Завод в Константиновке

ренного выпуска продукции. За что тут же получает повышение. А вспомнив Константиновку, отправляется зарабатывать на арене. Ведь бум цирковой борьбы охватывает и туманный Альбион. Григол и здесь находит состоятельного покровителя-фаната борьбы, который вознаграждает его за победы.

Побед этих немало, дела на работе идут хорошо, материальное положение становится таким, что уже можно вызвать в Лондон жену. А потом недюжинная сила Григола приносит ему и неприятности. Причем немалые. Один из рабочих, завидующих его успехам в цехе, затевает драку, в ходе которой падает, повреждает позвоночник. И находится немало желающих отомстить чужаку за это.

Вновь приходится в спешке уезжать, и вновь, как в Украине, на помощь приходит покровитель схваток на цирковой арене. Богач, делающий ставки на борцовские победы грузина,

зинской диаспоры в США еще далеко. Большая эмиграция из Грузии начнется лишь после вторжения в эту страну большевиков. Появляться же в Штатах не по одиночке грузины начинают с 1890-х годов, когда группа

Валентин Гомон

Григол и Дарья

их приезжает по приглашению бывшего военного и охотника Уильяма Фредерика Коди.

Известный миру под прозвищем Буффало Билл, он привлекает грузинских мастеров верховой езды к участию в походе на цирк аттракционе «Всемирный конгресс мужественных всадников». А потом стали появляться группы грузин-чернорабочих на железных дорогах Западного побережья, на мелких предприятиях различных городов. В одной из таких групп – пекарей – и встречает земляков Григол. Более того, они тоже выходцы из Рачи. Согласитесь, найти рачинцев в Америке – большая удача для рачинца.

И первое время пребывания на американской земле Кобахидзе проводит в пекарне. А потом у кого-то из его новых товарищей находятся знакомства на одном из заводов многоотраслевой корпорации General Electric. Этот промышленный гигант, помимо электроэнергетики, авиационной и автомобильной промышленности, нефтегазодобычи и других высокотехнологичных сфер, занимается медицинским оборудованием и материалами. А где медицина – там и стеклянная продукция. И Григол с Дашей начинают трудиться на хорошо знакомом им производстве.

За океаном мир, который они покинули, сотрясают катаклизмы: грохочет Первая ми-

ровая война, распадается Российская империя, обретает и теряет независимость Грузия, образуется советское государство... А супруги, ни много ни мало – 9 лет работают на заводе, каждый день мечтая об открытии собственного дела. На которое откладываются деньги не только из неплохих зарплат и вознаграждений за рационализаторские предложения. Григол находит дополнительный доход в свободное время.

За окном – эпоха распространения «вечных перьев» – как называли тогда авторучки. Чутким коммерческим нюхом уловив требование времени, он создает оригинальную автоматическую ручку. Сейчас ее назвали бы бюджетной – она значительно дешевле, например, знаменитого «паркера», который стоил 7 долларов. Изобретение имеет такой успех, что Григол разрабатывает новые модели и за каждую получает патент. Вырученные деньги позволяют начать собственный бизнес по торговле канцелярскими товарами. И бизнес весьма доходный.

А потом наступает 1919 год, положивший начало собственной промышленной империи Джорджа Коби – так теперь звался уроженец Тхмори. В городе Эттлборо штата Массачусетс открывается его первый стекольный завод. Потом появляются еще и еще, объединяющиеся в компанию Coby Glass Products Company, которая уже

через три года становится одной из основных в промышленности восточного побережья США. Она выпускает сорок наименований продукции: медицинскую, химическую, лабораторную посуду, строительные перегородки. Входят в нее и химические заводы. Коби лично контролирует все технологические процессы, как всегда предлагает методы их совершенствования. За что и 60 (!) патентов на изобретения. Рядом с ним – соратник по Константиновке Евгений Игнатъев, ставший уже Юджином.

Родину свою успешный бизнесмен и ученый не забывает. Он предлагает советским властям построить в Грузии гигантский стекольный завод, который даст рабочие места сотням голодающих людей. И даже представляет его проект. В ответ Москва (именно там решается этот вопрос) просит инвестиции предоставить заранее. И не соглашается, чтобы американец сам руководил строительством. Для промышленника Коби это, конечно, неприемлемо. Но в Грузию он все-таки едет. В СССР в то время в разгаре НЭП – новая экономическая политика, объявленная в 1921 году для того, чтобы вывести страну из кризиса и дать толчок развитию экономики.

Елочный набор «Рождество – это Коби»

Григол в родном селе в 1925 году

Приехав на родину, Григол видит все положительные стороны происходящего. Кооперативы, частные торговые и промышленные предприятия, либеральный земельный кодекс... Все это через несколько лет исчезнет под пятой «строящегося социализма», но в 1925-м, когда миллионер приезжает в родные края, НЭП дает ему шанс сделать то, что потом в СССР станет невозможным. Григол не только привозит матери подарки аж на 10 тысяч рублей. Он еще и поступает, как граф Монте-Кристо, отблагодаривший тех, кто делал добро молодому Эдмону Дантесу.

«Король американской химической промышленности», как и 10-летний мальчик 32 года назад, проходит пешком весь путь до Боржоми, находит семью, некогда давшую ему кров и еду, передает ей деньги на строительство нового дома. А в своем селе строит новый дом и церковь священнику, два моста, школу, аптеку, магазины, которые обеспечивают товарами. И конечно же раздает деньги всем нуждающимся.

Вернувшись в Штаты, он с удвоенной энергией берется за дело и дарит миру два главных своих изобретения. Разрабатывает формулу бетона, который способен сопротивляться эрозии, вызванной влагой. А потом изменяет состав обычного кирпича и тот становится идеальным для покрытия зданий, придавая им отражающий блеск.

Так появляются знаменитые водостойкий бетон и стеклянный строительный блок. Оба эти изобретения, преобразившие американскую строительную индустрию, используются всюду, том числе и при возведении в 1930 году «Крайслер-билдинга» – знаменитого небоскреба, ставшего одним из символов Нью-Йорка.

А за пару лет до этого один из богатейших людей США совершает вторую поездку на родину. Увы, она не столь удачна, как первая. В 1928-м НЭП уже сворачивается, и богатч из «цитадели мирового империализма» оказывается под пристальным вниманием «органов».

Флаконы для духов «Принцесса Грузии»

Живущий в Тбилиси племянник Михаил, сын Левана спешит в Тхмори с предупреждением: в городе ходят слухи, что американца могут задержать в любую минуту. И Григол спешно расстается с Грузией. Навсегда.

Благотворительностью он занимается не только на родине. Сам, пережив немало трудностей, охотно приходит на помощь другим. С нужными для ассимиляции в США людьми он сводит Александра Картвелишвили, который станет великим авиаконструктором. Через годы тот сделает у Коби заказ на сверхпрочное стекло для кабин пилотов. Приехавшему из Тбилиси театральному режиссеру Васо Кушиташвили Григол назначает стипендию, дающую возможность работать в Америке. Эмигрировавшему из Китая врачу Николозу Джишкарони меценат на свои деньги создает лабораторию по производству препарата «Гемодин» для лечения невралгических заболеваний. По просьбе парфюмера Георгия Мачабели создает флакон в форме короны для духов «Царица Грузии». А скольким грузинам он помог в Германии и во Франции...

К 1929 году оборот его компании составляет 15 миллионов долларов США, в сегодняшнем эквиваленте около 204 миллионов. А годовой ее доход был 4 миллиона (54 миллиона) долларов. И именно этот год – начало

Вот что осталось от дома, построенного Григолом в Тхмори

«Великой депрессии», жесточайшего экономического кризиса. Крупные компании и фирмы лопаются, как мыльные пузыри, миллионы людей остаются без куска хлеба, сотни кончают жизнь самоубийством... Не избегает краха и компания Soby Glass Products, деловой партнер ее владельца Юджин Игнатьев совершает самоубийство. Григол объявляет о банкротстве, но умудряется остаться на плаву. Он снова открывает небольшой магазин, в котором продаются небольшие изделия из стекла, канцелярские товары. Так и дотягивает до 1939 года, до конца «Великой депрессии».

А потом – Вторая мировая война. Григол обращается к правительству США с просьбой финансово помочь в восстановлении его стекольного производства, которое будет работать на военные нужды. Авторитет его как предпринимателя никуда не исчез, и ему выдают 2 миллиона долларов. Новый завод он открывает в небольшом городе Потакете штата Род-Айленд, нанимает 300 рабочих. Продукция отправляется в химические и медицинские лаборатории, в больницы «на ура» идут изобре-

тенные Коби ампулы для инъекций. И его предприятие снова становится ведущим в отрасли.

Вновь приходит богатство, Григол тратит его значительную часть на создание сети бесплатных столовых для бездомных и открытие магазина игрушек. В нем, уже после войны, продаются электрические свечи и мерцающие огоньки для новогодних елок. Они заменяют обычные свечи, наполнены цветным химическим раствором и пульсируют, когда их подключают к электрической розетке. Потом Коби делает свечи из цветного стекла, химический раствор уже не нужен, спрос на более безопасную продукцию растет.

Из цветного стекла выпускаются и игрушки всевозможных форм, опять-таки для елок. И часто в них используются грузинские мотивы – гроздь винограда, листья лозы. На коробках с ними – надпись: «Рождество – это Коби!». Причем не только на английском, но и на французском – они очень популярны и в Канаде. По сей день оригинальные елочные игрушки с маркировкой Soby уже как раритет продаются в интернет-магазинах. И пользуются большой по-

пулярностью.

Главное, что огорчало Григола – у него не было детей. В Грузии часть родственников пострадала от репрессий, с оставшимися он не связывался, боясь, что «возьмут» и их. А в Америке не находится земляка, который принял бы его дело. В конце жизни он управляет двумя заводами с помощью жены. И после его смерти в 1967-м наследниками становятся его деловые партнеры – братья-итальянцы Джули и Джим Палья. Фотографию Кобахидзе они вешают в своем рабочем кабинете.

Родное село этого замечательного человека сегодня вышло на просторы Интернета. На Фейсбуке есть страница, которая так и называется – «Тхмори». И на ней поднят вопрос о создании музея Григола Кобахидзе или хотя бы восстановления дома, где он жил. Сельчане обращаются ко всем мыслимым инстанциям, к различным ведомствам, фондам и даже к посольству США. Но, увы, сейчас всем не до этого.

ТБИЛИССКИЕ ШАРАДЫ ДЛЯ ЗОДЧИХ

■ Ирина КАНДЕЛАКИ

Тбилиси постоянно подкидывает головоломки архитекторам. Город мудрый и терпеливый: десятки раз поднимался из руин и до недавнего времени был непритворлив в быту, каких-нибудь сорок лет назад вода во многие кварталы подавалась по графику, а в старых домах удобства находились во дворах, зато из окна – вид на Метехи! Проблему с водой решили, но сегодня страдает экология, улицы забиты транспортом. Архитектору приходится учитывать множество факторов, балансируя между Сциллой неизбеж-

ной модернизации и Харибдой сохранения культурного наследия города. Непросто добиться, чтобы люди в красивом городе жили красиво.

Во многом благодаря стараниям градостроителей, Тбилиси, этот «природы вогнутый карниз, где бог капризный, впад в каприз, над миром приоткрыл то чудо» продолжает покорять свои шармом, своей самобытностью. Известно, что первый кирпичик в сотворение тбилисского чуда заложил в V веке царь Вахтанг Горгасали, приказавший основать город у

горячих целебных источников. С тех давних пор зодчие отстраивают город, растянувшийся в ущелье Мтквари (Куры), соизмеряя свои возможности с притворливым рельефом окрестных гор. Как и много веков назад, улицы старого города стекают от крепости Нарикала к Мейдану и отражаются кружевом балконов в зеленых водах Куры. Современную панораму города дополняют высотные здания отелей, канатные дороги, авангардные постройки – мост Мира и напоминающий с высоты грибную поляну Дом юсти-

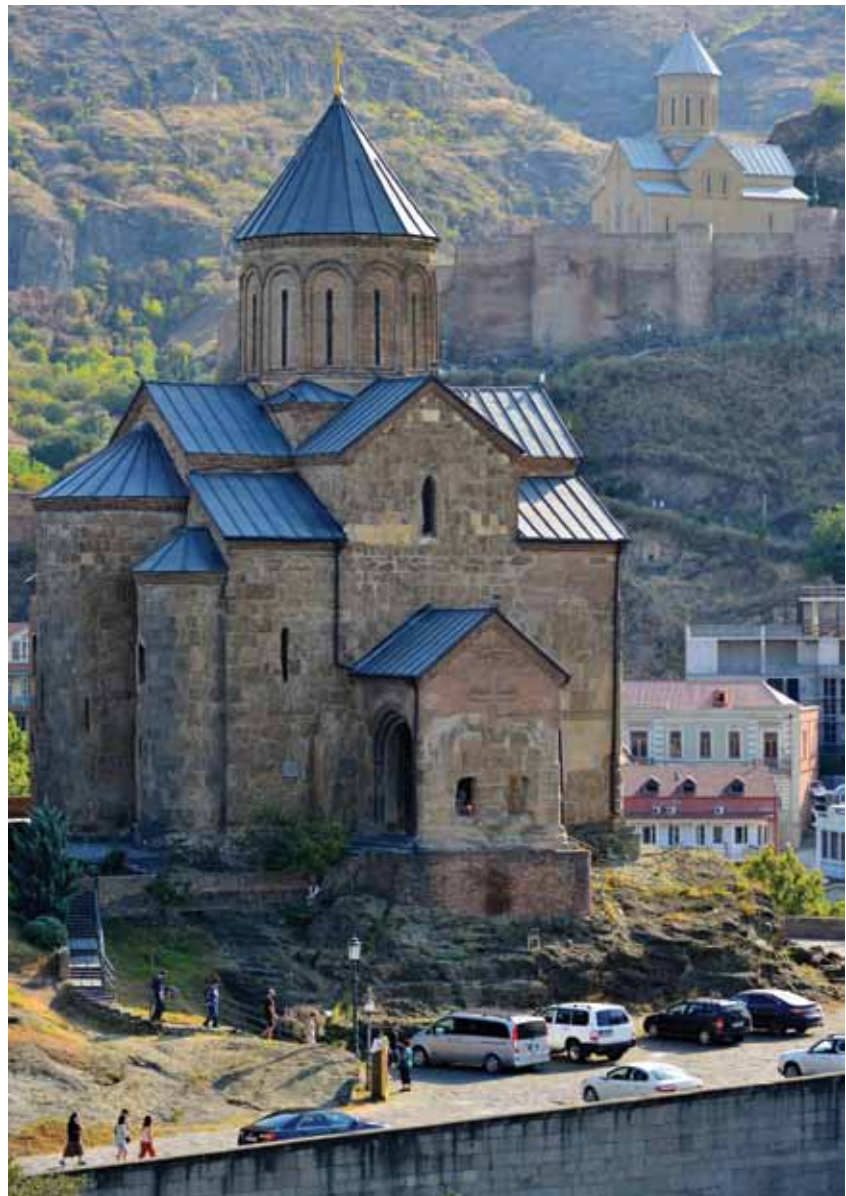

ции. Паутина бесплатной сети Wi-Fi покрывает невидимым куполом исторический центр со всеми его церквями, серными банями, галереями, лавками и кофейнями. Тбилиси динамично обновляется, но не столь кардинально, как Батуми. В столице к новым тенденциям зодчества подходят более критично. Например, осталось незавершенным строительство на Рике футуристического здания концертного и выставочного залов в виде структурной конструкции, напоминающей гигантские трубы. Этот экстравагантный проект итальянской архитектурной мастерской Fuksas выставляли на аукцион, но покупателя на «трубы» не нашлось.

Вообще-то к эклектике архитектурных стилей городу не привыкать. В XIX веке Тбилиси обзавелся европейскими проспектами и особняками с карнизами, витражами и росписями в подъездах. Однако со стороны внутренних двориков «европейцы» опоясаны традиционными балконами, и бурлит в них типичная тбилисская жизнь, немислимая без шумного хора разноязычной речи.

ГРИБОЕДОВ И КНЯЗЬ БАЛКОНСКИЙ

Проблема как строить и не вредить древностям была актуальна для Тбилиси уже два

века назад. Приведем лишь одну прелюбопытную архивную запись начала 20-х годов XIX века: «О лучших способах вновь построить город Тифлис». Автором ее является Александр Сергеевич Грибоедов, строивший планы после завершения своей блестящей дипломатической карьеры поселиться на родине жены. Так вот, Грибоедов, изучив особенности местного быта, советует при строительстве «...сохранять балконы (айвани) и деревянные галереи вокруг домов. Навесы прикреплять к столбам на аршин и более от стен, что доставляет тень, благотворную в здешнем жарком поясе и препятствует кирпичу распекаться от жара». С поразительной точностью он определил наилучшие места для строительства моста, предложив возвести его «против армянского монастыря или артиллерийского дома». Именно там и были позднее построены два городских моста. О сложностях перестройки старого района Кале Грибоедов пишет: «Каждый аршин земли дорого ценится, и потому, когда хотели привести в исполнение новые планы, на всяком шагу наруша-

ли права владельцев и тем возбудили справедливый ропот». Звучит очень современно! В августе нынешнего года благодаря «ропоту населения» было сохранено аварийное здание Музея искусств им. Ш. Амиранашвили на площади Свободы. По настоянию общественности прекрасный образец классицизма первой половины XIX века, в котором до музея располагались исполком, гостиница, а еще раньше духовная семинария, решено восстановить и отреставрировать.

В 1958 году прошлого века Тбилиси торжественно отметил свое 1500-летие. Позже было начато возрождение старого города, автором проектов его реставрации стал главный архитектор города Шота Кавлашвили, удостоенный за свою деятельность звания лауреата госпремии СССР в области литературы, искусства и архитектуры и грузинской премии имени Шота Руставели. За ревностное стремление мастера сохранить характерные детали национальной архитектуры коллеги прозвали его «Князем Балканским». Неслучайно памятник Кавлашвили установлен у реставрированной им город-

ской стены на улице Бараташвили. А тысячи горожан вспоминают его добрым словом за удобные типовые проекты домов с улучшенной планировкой и лоджиями. В южной зоне огромной страны полагалось строить дома со сквозным проветриванием, но открытые лоджии предусмотрены типовыми проектами не были. Они стали ноу-хау грузинских архитекторов. И хотя лоджии увеличивали строительные сметы, они стали обязательной частью жилищ сначала в Грузии, а затем в других южных республиках.

В Тбилиси используются различные формы сохранения старины. Остатки крепостной стены, обнаруженные на глубине нескольких метров под улицей Пушкина, решено было оставить на обозрение как памятник археологии. В реабилитированных домах продолжают жить их владельцы, как, например, на улочках вокруг площади Орбелиани, ставшей пешеходной зоной. Еще одним примером сохранения старины может служить церковь Святого Георгия (Квашвети) на проспекте Руставели. Она построена в 1910 году тбилисским архитектором Ле-

опольдом Бильфельдом по образцу храма Самтависи XI века, по сути является архитектурным «клоном» памятника «золотого века» грузинского зодчества. Каменный орнамент Квашвети выполнил мастер Неофат Агладзе, а фрески создал в 1947 году выдающийся художник Ладо Гудиашвили.

ПОЛИГОН ИДЕЙ

Рассказывает заслуженный архитектор Грузии, профессор факультета архитектуры Тбилисской академии художеств, доктор архитектуры, президент Ассоциации архитекторов Грузии Ираклий Пирмисашвили:

– Облик современного Тбилиси сформировался в XX веке в годы индустриального, экономического, научного и культурного роста республики. Сабуртало – прекрасный пример тому, что новые районы могут быть достойными конкурентами исторического центра. С конца 40-х годов прошлого века до сегодняшнего дня в Сабуртало осуществляются новаторские и смелые архитектурные замыслы. Участок улицы Мераба Костава, которым начинается район, имеет дугообразную

форму, ее изгиб повторяет фасад капитального здания первого корпуса Грузинского технического университета архитектора Юрия Михайловича Непринцева, которое в плане напоминает скрещенные серп и молот – такая вот дань сталинской эпохе. Здания конца 50-х и начала 60-х годов – телецентра, многоэтажных гостиниц, республиканской больницы, мединститута отличаются легкие линии бетонных конструкций, обилие света и стекла. В Сабуртало были возведены первые высотки города – новый корпус Тбилисского университета, НИИ стабильных изотопов, ныне реорганизованный в ООО «Национальный центр высоких технологий Грузии». Ярким примером использования национальных мотивов служит здание Национального архива Грузии с башней – характерным атрибутом жилищ высокогорных сел Сванети, Хевсурети, Тушети. Относительно недавно при въезде на площадь Героев появилась эстакада в форме спирали в несколько уровней, позволяющая разгружать потоки автотранспорта центральных артерий города.

В расположенных на холмах

микрорайонах проектировщики связали пешеходными «небесными» мостами многоэтажные корпуса, стоящие на разных уровнях. Поднимаешься на лифте на шестой или восьмой этаж в подъезде дома у подножья холма, затем по мостику переходишь к соседнему корпусу, взобравшемуся на пригорок.

Самым оригинальным является здание Министерства автомобильных дорог ГССР, ныне в нем размещен головной офис Банка Грузии. Создали его в 1981 году архитекторы Георгий Чахава и Зураб Джалагания. Надо отметить, что в момент проектирования Георгий Чахава занимал пост заместителя министра автомобильных дорог и, таким образом, был одновременно ответственным представителем заказчика застройки и ведущим архитектором. Это обстоятельство и помогло создать уникальное здание. Значительная часть конструкции состоит из пяти горизонтальных, двухэтажных поперечных балок (ригелей), сложенных в разных направлениях. Наивысшее ядро здания имеет 18 этажей. Несущие конструкции, выполненные из стали и железобетона, опира-

ются на массивную скалу. Проект базируется на запатентованном образце. Идея состоит в наименьшем использовании поверхности земли. Под отдельными блоками, поднятыми на высоту, растут деревья. Здание признано национальным памятником архитектуры.

– Как в современной архитектуре используются традиции национальной архитектуры?

– Говоря о традициях, надо помнить не только о безупречной гармонии пропорций древних церквей и о резных балконах. Приведу только один пример. В сельской местности сохранились старинные дома типа «дарбази» с перекрытием особой конструкции. Балки в них выложены с напуском, они постепенно суживаются к центру. Перекрытия собирали пирамидальной формы, а также сферической. При создании проекта Тбилисского дворца спорта архитектор-конструктор Давид Каджая задался целью положить идею деревянного перекрытия «дарбази» в основу сооружения из современных материалов. Его инженерные расчеты оказались безупречными. Конструктор был уверен, что перекрытие Дворца спорта надо делать из железобетонных плит,

которые сложатся в гигантский купол. К его проекту отнеслись с недоверием, и для страховки построили экспериментальный купол. Это небольшое здание стоит до сих пор, в нем размещается искусственный каток. А Дворец спорта архитектора Ладно Алекси-Месхишвили стал гордостью города и первым зданием с купольной конструкцией, подсказанной древними мастерами.

– Нынче в Тбилиси много строят иностранцы...

– И раньше строили. Первое здание оперы в XIX веке построил Джованни Скудиери, его уничтожил пожар. Заново оперу построил Виктор Шретер. Таких примеров множество. Раньше приглашали «варягов», потому что не было собственной школы, теперь проблема упирается в глобализацию и в сферу финансирования. Кадры архитекторов в Тбилиси готовят два вуза – Академия художеств и Технический университет. Наши выпускники способны создать достойную конкуренцию зарубежным специалистам, я в этом не сомневаюсь. Значительных успехов добился молодой архитектор Георгий Хмаладзе. Построенный по его проекту в Тбилиси кофейный завод был удостоен Гран-при

международного конкурса молодых архитекторов ArchDaily и «Стрелка» стран СНГ, а его проект батумского ресторана «Макдоналдс» признан лучшим на международном конкурсе Architizer A+ Awards в 2014 году.

– Как повлияли на архитектуру города научные достижения?

– Тбилиси расположен в сейсмоактивной зоне, поэтому надежность конструкций всегда ставится во главу угла. Неоценимый вклад в развитие градостроительства внес Кириак Самсонович Завриев. Выдающийся ученый в области строительной механики и сейсмостойкости сооружений, действительный член Академии строительства и архитектуры СССР. В 1947 году организовал институт строительной механики и сейсмостойкости АН Грузинской ССР и до конца своих дней был его бессменным директором, воспитал целую плеяду больших ученых. Благодаря динамической теории сейсмостойкости Завриева стало возможным строить в Тбилиси, не опасаясь последствий подземных толчков, высотные сооружения. Он также предложил использовать легкий бетон, преднапряженный бетон, позволяющий в среднем до 50%

сокращать расход дефицитной стали в строительстве.

КАК ОЗДОРОВИТЬ ЭКОЛОГИЮ

В 2019 году городские власти приняли новый Генеральный план землепользования Тбилиси. Автор генплана архитектор Мераб Болквадзе рассказал, на чем сделаны акценты:

– Развитие столицы Грузии основывается на четырех основных концепциях: «Компактный город», «Зеленый город», «Хорошо связанный город» и «Устойчивый город».

Начнем с жилых комплексов. Если лет тридцать назад все районы города застраивались зданиями однотипных проектов, то теперь строят с выдумкой и размахом. Но красоту домов рассмотреть невозможно – нет обзора! Дома стоят впритык друг к другу, несмотря на то, что интенсивность застройки в городских зонах определяется жесткими коэффициентами. До недавнего времени инвесторы выплачивали в бюджет города крупные суммы и наживались на увеличении коэффициента жилых объектов. Чтобы пресечь эту порочную практику, штрафы за нарушение правил строительства увеличены в десять раз. Мэрия без привлечения инвесторов начинает снос

самовольных застроек и амортизированных хрущевок. На месте без разрешения построенных гаражей будут разбиты скверы, а не высотки, как на том настаивали инвесторы. Концепция «Компактного города» также предусматривает использование резервных площадей. В столице есть простаивающие промышленные объекты, они стоят заброшенные, поскольку их владельцы не вписались в рыночную экономику. Мы предлагаем, чтобы хотя бы половина таких объектов была отдана под рекреационные зоны.

«Зеленый город» – это единая концепция улучшения охраны окружающей среды и условий отдыха. Запланировано создание пяти новых парковых ареалов, скверов, спортивных и детских площадок, пешеходных зон и велосипедных дорожек. В настоящее время проходит реставрация зеленой зоны ипподрома. На очереди создание парка в 40 га на месте оврага в районе Тбилисского моря (городского водохранилища).

Концепция «Хорошо связанного города» ставит перед собой цель создания быстрого передвижения из одной точки города в другую. Транспорт будет разделен на транзитный, районный, а также локальный, который предусматривает ко-

роткие маршруты внутри микрорайонов.

Готовность города к форс-мажорным ситуациям рассматривает раздел под названием «Устойчивый город». В его рамках планируется создание муниципального жилищного фонда для временного заселения людей во время чрезвычайных ситуаций, скажем, землетрясений и оползней. Практика организации походных госпиталей во время пандемии Covid-19 показала важность строительства подобных резервных объектов.

Вместо эпилога. Не каждый тбилисец может похвастаться, что, выглянув утром в окно, он «здоровается» с Шота Руставели. Мне, например, повезло – в сквере напротив дома установлен памятник поэту Акакию Церетели. Приятно сознавать, что в последние годы памятники выдающимся личностям появились в различных уголках Тбилиси. Город от этого сильно выиграл, а главное – расширился ареал его культурного пространства, а расстояние между легендой и былью сократилось. Выходит, архитекторам удается успешно решать бесконечные загадки древнего и лукавого тбилисского Сфинкса.

Фотографии А. Сватикова

КОНЬЯК С АРОМАТОМ АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЫ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Алкобольные напитки являются неотъемлемой частью кавказского застолья, наряду с вином люди с удовольствием пьют крепкий коньяк. Преподнести в подарок армянский коньяк – значит проявить особое уважение к человеку. Мне посчастливилось побывать на предприятии и наблюдать за процессом производства знаменитого напитка, это было путешествие с незабываемыми впечатлениями. На протяжении многих лет продукция Ереванского коньячного завода «АрАрАт» пользовалась заслуженной популярностью как на территории СССР, так и далеко за его пределами. Завод и сейчас «держит марку», предлагая широкий ассортимент своей продукции.

Коньячное производство было основано в Армении в 1887 году, когда купец первой гильдии Нерсес Таирян инициировал производство этого напитка. Выкурка коньячного спирта на заводе происходила по классической французской технологии. В 1899 году завод стал собственностью российского товарищества «Шустов и сыновья», в дальнейшем про-

дукция предприятия поставлялась к столу Его Императорского Величества Николая II. В 1999 году завод стал частью группы Перно Рикар. По словам сотрудников завода, в каждом из коньяков «АрАрАт» заключены щедрость виноградной лозы, богатые традиции производства напитка, мастерство и терпение коньякоделов, а также древняя культура страны. Виноград для

коньяка закупают у местных фермеров, большую часть материала доставляют с территории Араратской долины, которая является самой плодородной землей Армении. «Долина находится на высоте 800 метров над уровнем моря, она полностью окружена горами, защищена от ветров, с тремястами солнечными днями в году, представьте, какие сочные сорта винограда

мы в итоге получаем. Основная часть продукции отправляется на экспорт», – рассказала Люсинэ Тороян, посол бренда компании «АрАрАт» и наш гид. По ее словам, первое место по продажам занимает рынок стран СНГ, в частности России, далее следуют Беларусь, Казахстан, страны Европы, США, Канады, Австралии и т.д. Как указано на сайте компании, для производства коньяков используются исключительно местные белые сорта винограда, включая такие редкие, как Гарандмак и Воскеат. Именно они делают вкус и аромат коньяков «АрАрАт» особенным. Сбор урожая занимает всего несколько недель, он начинается в сентябре, когда ягоды наберут нужный уровень сахара, и завершается в середине октября. Фермеры вручную собирают весь урожай, около 37 тыс. тонн винограда. «Приемку на заводе мы ведем круглосуточно: виноград взвешивается, проверяет-

Коньячный завод «АрАрАт»

ся его качество. Только после этого он попадает в пневматические прессы. Благодаря деликатному отжиму нам удается сохранить насыщенный аромат ягод и получить виноградный сок. Через неделю, в результате естественного брожения, сок превращается в высококлассный белый виноматериал, необходимый для дальнейшей дистилляции коньячного спирта», – отмечено на сайте компании.

Президентские бочки

Коньяк выдерживается в бочках объемом от 300 до 500 литров. При изготовлении бочек используется древесина кавказского дуба. «Бочка является равноправным «родителем» коньяка, потому что именно в «союзе» дуба и спирта наш напиток появляется на свет. Все свои качества спирт впитывает от дуба – вкус, аромат и цвет», – отметила Тороян. Бочки для напитка изготавливают вручную в

собственном бондарном цехе, и каждая из них служит предприятию в течение 70 лет. Самая старая бочка изготовлена в 1902 году, в ней сейчас держат молодой спирт просто для того, чтобы сохранить бочку как музейный экспонат. Бродить между рядами аккуратно сложенных бочек и вдыхать витающий в воздухе аромат изысканного напитка – одно удовольствие. Емкости с коньяком расположены в три яруса, каждая из них пронумерована, к каждой прикреплена табличка с подробной информацией о содержащемся в нем коньяке.

Помимо обычных заводских бочек, на предприятии есть особые, именные президентские бочки, которые закладывают в честь визитов руководителей различных стран. В музее можно увидеть несколько десятков президентских бочек, в разные годы «АрАрАт» посещали президенты России – Владимир Путин и Дмитрий Медведев,

Президентские бочки

президент Польши Бронислав Коморовский, президент Литвы Даля Грибаускайте, президент Австрии Хайнц Фишер и главы других государств. Одна бочка лежит особняком, она исписана надписями на разных языках мира, – это «Бочка мира», она заложена 6 ноября 2001 года в честь визита на завод сопредседателей Минской группы ОБСЕ (группа стран-членов ОБСЕ, созданная для решения вопроса по мирному урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе). Бочка будет открыта в день, когда разрешится карабахский конфликт», – подчеркнула Тороян. В музее завода нас подвели к гигантским деревянным весам, на одной стороне которых находится большое кресло, на другой – обычная бочка. Как оказалось, раньше на заводе была традиция – взвешивать президентов. Высокопоставленный гость садился в это дубовое кресло, а на вторую чашу весов

клали коньяк ровно в том объеме, сколько весил визитер, соответственно, столько литров 20-летнего коньяка президент получал в дар.

«Ах, Тамар!»

Когда завод стал собственностью российского товарищества «Шустов и сыновья», владелец предприятия Н.Л. Шустов провел интересную маркетинговую кампанию с целью популяризации своей продукции. Он нанимал студентов различных театральных вузов, одевал их в дорогую одежду, давал много денег, и в сопровождении прекрасных дам посылал в роскошные рестораны Европы и России. Они заходили в рестораны, заказывали дорогое меню и требовали шустовского, т.е. армянского коньяка. Когда официанты говорили, что не знакомы с таким напитком, студенты возмущались и грозились больше никогда не заходить в заведение, где не знают о существовании армянского коньяка. После нескольких таких случаев рестораторы уже начинали активно закупать партии товара.

Гид подвела нас к витрине с образцами продукции завода и рассказала интересные истории, связанные с такими известными марками, как «АрАрАт», «Ани», «Ахтамар», «Наири», «Двин». «Это наш самый крепкий коньяк «Ереван», который мы сейчас уже не производим. В нем было 57% алкоголя, и он был направлен на Северный полюс для членов советской экспедиционной группы. Почему именно «Ереван»? Да потому, что остальные напитки там просто замерзали!» – с улыбкой

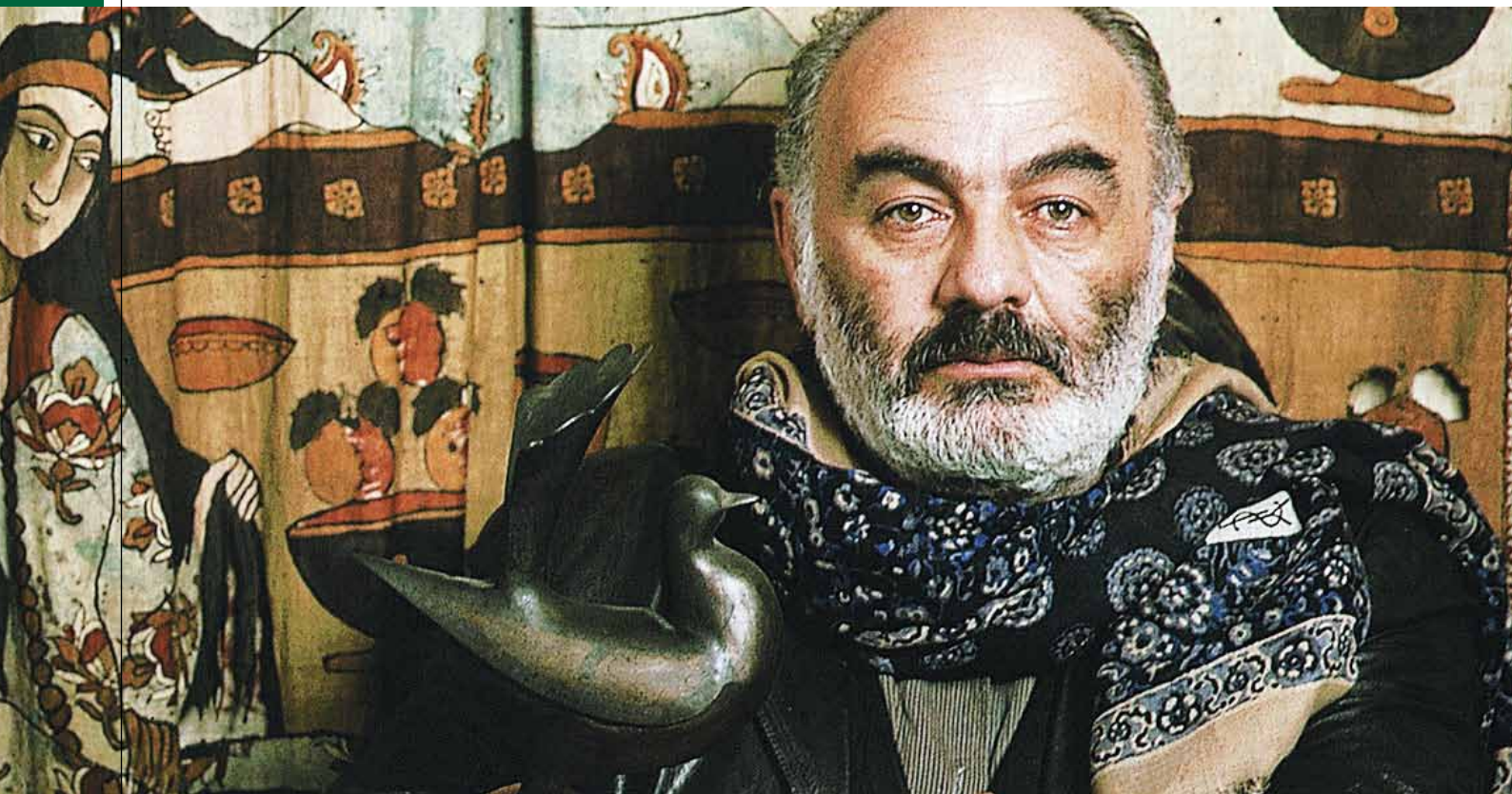
сказала Тороян. Указав на бутылку с коньяком «Двин», Люсинэ рассказала, что на заводе его называют дипломатическим, потому что он был одним из любимых напитков Уинстона Черчилля. В 1945 году, во время Ялтинской конференции, Сталин впервые угостил Черчилля коньяком «Двин». Говорят, с тех пор Черчиллю ежегодно отправляли от 300 до 400 бутылок этой марки. Однажды премьер-министр, наслаждаясь напитком, заметил, что у него изменился вкус, что сразу Уинстону очень не понравилось, и сразу же было направлено соответствующее письмо Сталину. Вскоре выяснилось, что главный технолог завода Маркар Седракян был репрессирован... Его срочно вернули на завод. Седракян отдал коньячному делу 40 лет своей жизни. Когда Черчилля спрашивали, в чем секрет его долголетия (он прожил 91 год), легендарный политик отвечал: «Я никогда не опаздываю на обед, курю исключительно кубинскую сигару, пью по бутылке шустовского коньяка в день, и никакого спорта!» Созданный в 1967 году коньяк 10-летней выдержки «Ахтамар» сохранил предание о грустной истории любви. Согласно легенде, каждую ночь прекрасный юноша, влюбленный в принцессу Тамар, плыл к одному из островов озера Ван. Здесь принцесса ждала его, держа факел в руках и освещая путь к острову. Влюбленные долго встречались тайно, но однажды сильная буря погасила огонь, и храбрый юноша утонул, воскликнув «ах, Тамар». С тех пор, в честь великой любви, остров зовется Ахтамар. В 2010 году был создан новый логотип завода: птица Феникс на фоне прописной буквы «А». Этот логотип теперь украшает каждую бутылку, произведенную на предприятии. По словам Люсинэ Тороян, буква «А» символизирует гору Арарат и Армению, а птица Феникс является общепринятым символом возрождения.

Кресло для президентов

да официанты говорили, что не знакомы с таким напитком, студенты возмущались и грозились больше никогда не заходить в заведение, где не знают о существовании армянского коньяка. После нескольких таких случаев рестораторы уже начинали активно закупать партии товара.

Использованы фотографии автора и с сайта завода «АрАрАт».

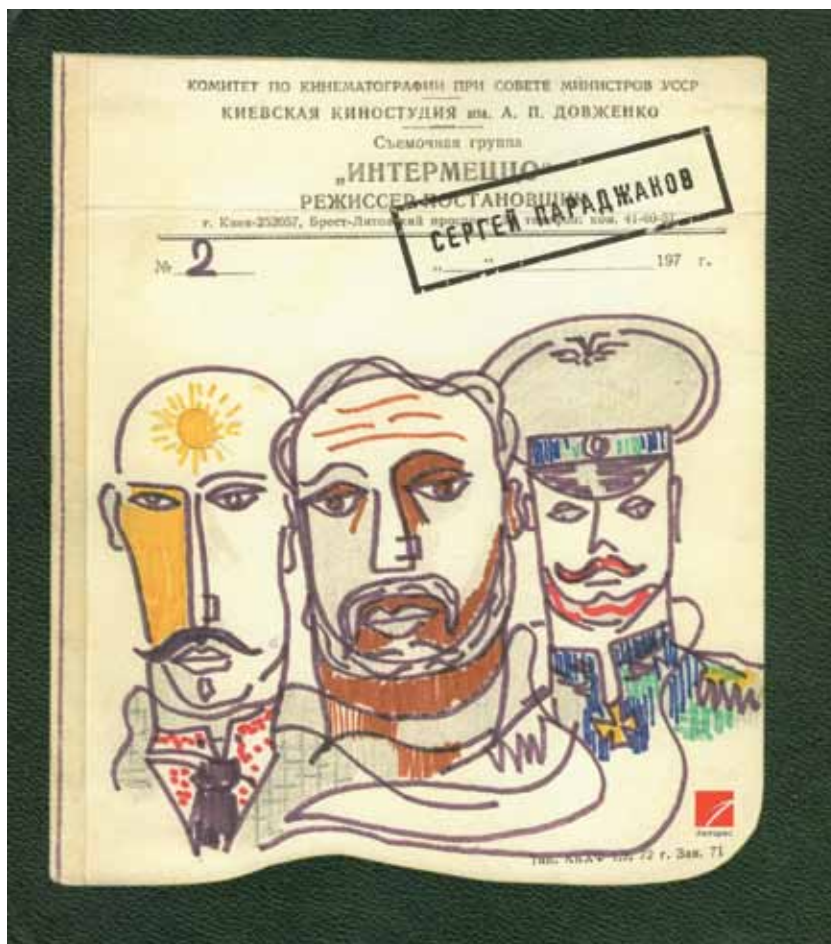
ПАРАДЖАНОВ. ИНТЕРМЕЦЦО

Ирина ДЗУЦОВА

Знавшим Сергея Параджанова трудно судить о нем беспристрастно. Его жизнь и творчество можно истолковывать по-разному. Кто же он, Сергей Параджанов? Кинорежиссер, сценарист, художник, поэт кино, творец мифов. Он нес в себе тайное знание, разрушал общепринятый ритуал обыденной жизни и давал представление о бесконечном пространстве человеческой души.

«Наш мир – поток метафор и символов узор», утверждал поэт Омар Хайям. Своим творчеством и всей своей жизнью это подтверждал и Параджанов, пронзительно и безошибочно идентифицировавший символы в духовной жизни человека. Он был наделен редким даром поэтического видения мира.

Параджанов многое успел сделать. Многие остались неосуществленным – в оставшихся неосуществленными сценариях, эскизах... Увы, власть не воспринимала его искусство, но

вопреки всему, мировая слава и признание пришли к мэтру при жизни, и не оставляют его после смерти. Его знают, помнят, о нем пишут, а неосуществленные сценарии печатают. Этим летом в ереванском издательстве «Антарес» вышла в свет книга «Сергей Параджанов. Интермеццо». Ее автор-составитель, редактор и художник-оформитель – Гарегин Закоян. Содержанием книги стал сценарий, написанный Параджановым в начале 1970 г. по мотивам новеллы украинского писателя и драматурга Михаила Коцюбинского (1864-1913). Сам режиссер писал о новелле, изъятый из украинской литературы на 50 лет: «Вчера перечитывал несколько раз. Что это? Рассказ – не рассказ, стихи – не стихи, эссе – не эссе. Исповедь! Но не его, а моя!.. Так и просится все на экран».

Увы, фильм не был запущен в производство, как планировалось, Киевской киностудией им. А.П. Довженко. Пройдя различные худсоветы, сценарий был отклонен. К счастью, сценарий сохранился в личном собрании Г. Закояна, причем вместе с некоторыми сопроводительными документами. Это, например, заявка С. Параджанова, в которой он отмечал, что М. Коцюбинский «решительно и последовательно выступал против реакционных буржуазных теорий о «независимости» творческой личности от общества». В ответном письме сценарно-редакционная коллегия рекомендовала продолжить «дальнейшую вдумчивую работу над завершением сценария, который в представленном виде еще нельзя утверждать для запуска в производство».

М. Коцюбинский написал свою новеллу «Интермеццо» в 1907 г. после поражения революции 1905 г. Лейтмотив новеллы – признание писателя в усталости, усталости его чувствительной души от тяжелых картин окружающей жизни. Параджанов считал новеллу сложным и интересным произведением о судьбе интеллигента в начале XX в., но первый секретарь ЦК Компартии Украины хотел, чтобы режиссер снял фильм о хлеборобах.

Рисунок С. Параджанова

Г. Закоян приводит заключение сценарно-редакционной коллегии на сценарий «Интермеццо» с разрешением запустить фильм, но не увлекаться «подсознательными мотивами и отвлеченной образностью и с требованием трактовать образ главного героя, не страдающего от условий капиталистического мира, а образ поэта-революционера». В заключении даны и другие, довольно жесткие рекомендации.

В книге помещены и вариации С. Параджанова на тему новеллы М. Коцюбинского с подробным описанием всех эпизодов. Приводятся и тексты выступлений участников заседания 1972 г. и творческого объединения. Они высказывали противоположные мнения о сценарии и постановили внести в него изменения и уточнения.

Читателю интересно будет ознакомиться с содержанием письма С. Параджанова первому секретарю ЦК Компартии Украины П. Шелесту и с содержанием телеграммы приемнику Шелеста, первому секретарю ЦК Компартии Украины В. Щербицкому. В телеграмме режиссер писал: «Мое положение материальное и моральное трагично... Запущенный в производство фильм «Интермеццо» о революции на Украине был закрыт сопротивлением отдела культуры... Прошу Вас принять меня. Положить конец травле, дать возможность творческой работе». В опубликованной в книге телеграмме председателю Госкино СССР А. Романову С. Параджанов писал о поданном им заявлении об увольнении его с Киевской киностудии и «вообще из кино». «Настаиваю безого-

С. Параджанов на съемочной площадке

С. Параджанов. Фото Юрия Мечитова

ворочно уволить меня из советской кинематографии. Признателен Вам за голод, жестокость и цензорство на протяжении восемнадцати лет, из которых был в работе только пять лет».

Интересно, что для написания музыки к запланированному фильму «Интермеццо» Параджанов выбрал композитора Андрея Волконского, консультантом – поэта Миколу Бажана, а солистом – виолончелиста Мстислава Ростроповича.

Иллюстративный ряд в книге Г. Закояна представляет Параджанова и как художника. Это его эскизы-коллажи к фильму «Интермеццо». Сам текст сценария, впервые опубликованный именно в книге Г. Закояна, дан в рукописном оригинале. Текст этот еще и еще раз убеждает читателя в неповторимом таланте С. Параджанова. Доказательством тому может послужить текст монолога главного героя в одном из эпизодов фильма: «Я устал... Ведь жизнь безостановочно и неумолимо идет на меня, как волна на берег. Не только моя собственная, но и чужая. А в конце концов, разве я знаю, где кончается моя жизнь и начинается чужая? Я чувствую, как чужое бытие входит в мое, словно воздух в окна и двери, словно воды притоков в реку.

Пауза.

Завидую планетам: у них свои орбиты и ничто не становится на их пути. В то время, как на своем я постоянно встречаю человека».

В своей вступительной статье к книге Г. Закоян пишет: «Фильма нет. Его зарубили в зародыше, но сохранилась рукопись сценария, которая, помимо слов, заряжена бьющей через край творческой энергией автора. Фильма нет, но, зная стиль, тип и характер кинематографического мышления Параджанова, нетрудно домыслить, додумать, довидеть его».

Книга «Сергей Параджанов. Интермеццо» издана на русском языке и предназначена как для широкого круга читателей, так и для специалистов в области искусствоведения и психологии творчества.

ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ

■ **Екатерина ХИНЧИГАШВИЛИ**

РЕКА И ЛОДКА

Лодка уже плавала в Реке. В Реке горной, бурной, леденящей и еле выбравшись оттуда, войти во второй раз не решалась; но интерес к получению удовольствия и преодолению страха тянул ее обратно.

– В одну и ту же реку дважды не входят!

А Лодка рискнула и вошла. Она лежала на маленьких, но сильных волнах, бьющихся об острые большие камни, лежащие посреди Реки. Она кайфовала, думая, что счастье вечно и как от него ни отказываться и ни убегать, оно всегда будет с тобой.

Куда могла деться Река? Никуда?!

– Захочу выйду на берег. Захочу буду плавать. Что захочу, то и буду делать. Я Лодка!

Река всегда принимала ее молча и тихо, иногда подкидывая на волнах для легкого, но приятного страха. Лодке нравились эти острые ощущения. Но

она боялась привыкнуть к этому и стать зависимой от Реки.

– Я свободна! Когда захочу, тогда и войду в Реку! Я Лодка! Я и решаю, что делать!

Река молчала, но молчание ее было бурным и шумным. Она несла камни и бревна. Она устраивала водовороты и водопады и постепенно их становилось все больше и больше.

– Когда захочу, тогда и войду!

Река ждала. Река ждала и звала.

После долгого отдыха Лодка решила опять зайти в Реку. Но Река была уже очень уставшей. Она устала ждать. Она устала звать. Она уже не следила ни за камнями, ни за бревнами.

А Лодка, гордая и эгоистично-довольная, опять вошла в Реку.

...И запутавшись в хаотично плавающих бревнах, налетела на большой острый камень. Налетела так сильно, что продырявила себе дно.

Было больно, невыносимо больно. Эта боль заполняла ее, как и постепенно заполняющая ее вода. Изнеможенная Лодка стала тонуть.

– Река! Река, что ты делаешь?! За что?! Я так о тебе заботилась и любила. За что?

Река молчала. Ее уже давно никто не слушал и не слышал. Она молчала, тихо думая про себя: «Ты же Лодка! Ты решаешь, что делать! Ты наткнулась на этот острый камень. Раньше ты их обходила, а теперь...»

Лодка боролась за жизнь, с трудом поплыла к берегу и, приблизившись к нему, рыдая навзрыд, упала на землю! Лодка долго лежала в грязи. Она не могла успокоиться.

– За что?!

Ответ на этот вопрос пришел неожиданно. Лодка встрепенулась и, не думая о последствиях, снова вошла в Реку...

– Я хочу быть с тобой!

Река была спокойна, она показала Лодке свой характер, та ее поняла и приняла. Такое случается и это надо ценить.

Река начала собирать листья и мелкие веточки и затыкать ими трещины Лодки. Из смеси грязи, в которой испачкалась Лодка, и

листьев с ветками получились прекрасные заплатки. Теперь Лодка могла свободно плавать. И плавала она уже не только тогда, когда хотелось ей...

P.S.

Хочешь, чтобы о тебе заботились – заботься и ты.

Хочешь, чтобы тебя слышали – слушай и ты.

Хочешь, чтобы тебя любили – люби и ты.

А главное, умей понимать и прощать!

ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ

– Извините. Здравствуйте... Извините еще раз... Извините, что беспокою... Можно с вами познакомиться... Не надо удивляться. Я сама удивлена... Вы так похожи... Давайте этот день проведем вместе... Нет, нет... Ничего такого! Просто посидим где-нибудь в кафе, например, и я буду смотреть на вас. Просто смотреть... Пожалуйста... Мне это очень надо...

Он стоял молча, не проронив ни слова.

– Я буду молчать. Пожалуйста...

Он молча облокотился на бордюр. Куда-либо идти у него

не было сил.

А она не могла замолчать. Эмоции переполняли ее.

– У Вас есть брат близнец? Нет? Господи, Вы так похожи. Так похожи...

Она опустила голову и, немного передохнув, снова заговорила, только уже медленно и тихо.

– Когда мы познакомились, он очень скоро стал для меня

Божеством, ... на которого я молилась, ради которого я могла пойти на все. Он был для меня всем и даже больше. Я помню и год, и число, и время. Я помню каждое слово и каждый взгляд, и каждое дыхание. Я помню все чувства, переполнявшие меня. В тот день началась моя новая жизнь. Нет. Точнее в тот день я родилась. Родилась я – такая, какая есть на самом деле,

а не та, чью роль я играла всю жизнь. Это были счастливейшие годы моей жизни. Я была на пике счастья. И на этот пик поднял меня он. Он поднимал меня медленно и осторожно, чтобы я не испугалась, не убежала; чтобы мне не было бы трудно и больно; чтобы я не уставала, и чтобы от этого подъема я получила бы только удовольствие. И мы (точнее я) поднялись на пик уставшие и счастливые...

И вдруг мое Божество... Мое Божество, которое я... оно превратилось в черта... В ЧЕРТА!!! Который дал мне неожиданно пинок и безжалостно сбросил вниз...

Падала я так же медленно, как поднималась. Но теперь ощущение блаженства сменилось на невыносимую боль. Я натыкалась на каждый выступ, на каждую ветку. В меня впились все колючки, царапали камни. Испачканная в грязи и полностью разбитая я оказалась внизу! Только один вопрос мучал меня (он словно молот беспощадно бил меня по голове): «За что?»

Прошло время, он извинился, и я сделала вид, что верю, что это произошло случайно. Все как будто бы стало на свои места, но молот все бил меня по голове. Бил и бил. Бил не переставая. Да и у Божества появилась тень в форме черта, которая его никогда не покидала.

Я делала все, чтобы вернуть утраченное. Я вертелась как белка. И, наконец, как будто бы все пошло на лад... Но вдруг из-за необдуманных действий, из-за недоговоренности и непонятности все кончилось...

А знаете, что самое страшное, я не проронила ни одной слезинки. Ни одной! «Мне же было хорошо, почему я не плачу?» И первое, что передо мной вставало был черт, сбрасывающий меня вниз... Я ощущала только пустоту...

С тех пор мы не виделись. Прошло очень много лет. И вот я увидела Вас...

Теперь она опустила только глаза.

– Спасибо. Спасибо за воспоминания.

Не поднимая глаз она повернулась и пошла. Потом вдруг резко обернулась и посмотрев

ему в глаза, улыбнулась.

– Прости... – сказал он шепотом, не пытаясь скрыть текущих по лицу слез.

ПЧЕЛКА

Всю жизнь Пчелка делала, что хотели, просили и требовали другие: ее родственники, друзья, члены семьи. Делала то, что ДОЛЖНА была делать, по общепринятому мнению, общества. Она считала, что такова жизнь и это правильно.

Но впоследствии оказалось, что у всех все есть и что все счастливы и лишь одна пчелка несчастна. И никого это не интересовало. Да и почему должно было интересоваться? Ведь у них все хорошо, а другие нужны лишь для того, чтобы помогать и прислуживать. Вот, например, Пчелка. А что у нее на душе – какая разница; душа же чужая – пусть болит.

У всех есть дом, работа, много друзей. Есть так или иначе спокойная жизнь, и все могут уже помогать своим детям. А Пчелка...

Что Пчелка?

Пчелка только сейчас начинает новую жизнь. Только сейчас находит свое место в обществе, для которого она уже стара и ей уже трудно его понять. Да и по натуре Пчелка (хотя она и любила детские развлечения и глупости) была создана для се-

ми: немного работы, уход за членами семьи, воспитание детей и потом внуков – любовь и спокойствие.

Пчелка всю жизнь мечтала жить одна, но это ей не удалось.

– Без тебя умрет!

– Ты должен ухаживать за Пчеломаткой!

– Ты должна работать с рабочими пчелами!

– Ты должна следить за всеми детьми большого семейства!

– Ты должна!..

– Ты должна!..

– Ты должна!..

Кому должна?!

Зачем должна?!

Почему должна?!

НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА!!!

Но когда Пчелка это поняла, было поздно. Хотя... Может и нет, но меняться было очень трудно. «Должна» впиталось в ее кровь и освободиться от этого было очень сложно, но она старалась. Очень старалась. По крайней мере, ей так казалось.

– На кого ты стала похожа?

– Злая!

– Никому ничего не делаешь!

А Пчелке кто-нибудь что-нибудь сделал?

Ничего, привыкли. Уже никто и не помнил, что говорили: «Какая ты плохая стала!» Теперь Пчелка стала хоть немного походить на других. Теперь уже она не бегала ко всем подряд и не предлагала свою помощь.

Она спокойно воспринимала обыденные проблемы других и за них не решала их. Она перестала ходить к тем, кого она не хотела видеть, и она хоть немного, но начала обращать на себя внимание и заботиться о себе.

Но совсем измениться не удалось. Чтобы совсем измениться, надо все и всех бросить, от всех и всего отказаться.

Пчелка так не могла, да, наверное, и не хотела.

Время шло. Жизнь проходила. Пчелка как всегда была одна...

Не имеет значения – ты живешь для себя или для других. Все равно ты одинок. Пчелка это хорошо понимала и по этому поводу уже не переживала. Она возобновила отношения со старыми и приобрела новых друзей, с которыми чувствовала себя легко. Она старалась не создавать себе неудобства. Старалась жить спокойно – в свое удовольствие. И очень старалась не обращать внимания на чужое мнение.

– Я буду делать... Нет! Я делаю, что хочу, что считаю нужным! Я счастлива и это самое главное! Каждый день Пчелка говорила себе эти слова, смотря в свое отражение в утренней росе. И улыбалась.

P.S.

Не бойтесь! Пусть пройдут

годы, даже полвека, а может и целый век. Все равно не бойтесь начать все с начала. Не бойтесь быть счастливыми. Жизнь прекрасна! И вы достойны... Вы просто обязаны быть счастливыми!

ВСЕЛЕННАЯ

И неожиданно для самого себя, по зову внутреннего голоса, входишь в мир иной... Медленно, миллиметр за миллиметром, чтобы не пропустить ни единого ощущения. Входишь в мир неизвестный, темный, теплый, влажный. Мир, готовящий чудо. Мир, выполняющий все желания. Входишь в него осторожно, со страхом не нарушить каноническую хаотичность; боясь пропустить что-нибудь важное, даже самое незначительное. Входишь нежно, вслепую прикасаясь ко всему вокруг. А параллельно по всему твоему телу пробегает пьянящая дрожь. А ты продолжаешь двигаться, как будто невидимая сила тянет тебя к небу. А дорога к нему вся устлана не лепестками дорогих черных роз, а лепестками многочисленных разноцветных полевых цветов. Пробираясь вперед, иногда чуточку возвращаясь назад (а вдруг что-то пропустил?!). Понимая, что цель уже близка, увеличиваешь скорость, но понимая, что можешь все поте-

рять, останавливаешься, но не выдержав летишь вперед...

И каждый раз в конце тебя встречает необыкновенной красоты фейерверк, возвышающийся до небес. Неожиданно большой и пестрый, а главное – обволакивающий все тело и душу одновременно. Освобождающий и дающий возможность ощутить себя частью Великой Вселенной.

P.S.

Кстати, «Вселенная» женского рода.

Женщина ослепляющая, отнимающая реальность, но в то же время дарящая радость, счастье, жизнь.

Женщина – начало и конец.

Женщина – это исполнение всех желаний.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Моя радость, моя маленькая девочка. Все будет хорошо. Не бойся. Я люблю тебя и всегда буду любить.

Я никуда не ушла. Я всегда буду с тобой. Просто сейчас ты будешь видеть меня только в снах или вдруг неожиданно услышишь мой голос.

Еще раз говорю: не бойся. Ты сильная девочка, умная и друзей у тебя много. Ты не одна.

Наверное, ты сейчас плачешь. Ничего, поплачь. Плакать хорошо. Плач успокаивает. Перед сном выпей валерьянку или что-нибудь другое (у бабушки спроси).

Я же со своей стороны всячески постараюсь, чтобы ты чаще чувствовала меня рядом; но ты же понимаешь, что это зависит не от меня. Это воля Бога.

Я очень люблю тебя. И непослушную, и растрепанную, и грязную, и упрямую – я люблю тебя всякую. Безумно люблю.

Доченька, милая, я хочу, чтобы ты всегда была счастлива. Не упрямься и не считай, что сейчас ты не должна смеяться, не должна радоваться, петь, танцевать. Все это глупости! Смейся, пой, танцуй, радуйся, шути. Я же отсюда все вижу и буду радоваться за тебя. А если ты будешь плакать, плакать буду и я.

Не волнуйся, мне хорошо. У меня уже ничего не болит. Единственное, что здесь плохо, это

то, что я не могу прикоснуться к тебе, но зато я могу тебя всегда видеть.

Я люблю тебя, и я знаю, что ты обязательно будешь сильной и счастливой. Главное – бесстрашной и уверенной в себе.

Жизнь сложна. Я думаю, ты это уже поняла. Сколько времени тебе понадобилось, чтобы завоевать достойное место в классе. Так будет и в последующей жизни. Нужно будет постоянно бороться за место «под солнцем». Постоянно надо будет доказывать всем, что ты умная и что ты достойна уважения.

Трудно быть девочкой.

Трудно быть девушкой.

Трудно быть женщиной.

Трудно быть мамой.

Трудно стареть.

Для всего этого надо быть готовой и, если ты твердо будешь стоять на ногах и смотреть на жизнь реально, со всем справишься и все тебе покажется легким. Дай Бог, и приятным.

Живи, моя принцесса. Живи и радуйся. Ты должна быть счастливой! Ты будешь счастливой!!! Только будь внимательна и не пропусти момент.

И главное – ни на кого не надейся. Все делай сама.

Будь счастлива. Я верю в тебя. Люблю безумно. Люблю только тебя.

Твоя Мама.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

С добрым утром, Волшебники!

Я точно знаю, что вы существуете. Что вы живете в каждом из нас. У кого-то этот волшебник талантлив, креативен и, главное, активен; а у кого-то лентяй и соня.

Вы, Волшебники, появляетесь в нас с нашим рождением и помогаете жить счастливо.

У жизни, как у медали, две стороны: хочешь смотришь с лицевой стороны, хочешь с обратной.

С обратной стороны моей жизни мне уже за полвека. Седые волосы и много болячек. Я в разводе. Внуков нет. Работы нет. Заначка заканчивается. Никакой перспективы.

А если посмотреть с лицевой стороны:

Я женщина (воспользуюсь

словами Карлсона) в расцвете сил.

Я женщина, уже имеющая право и на ошибки, и на глупости.

Я женщина, которая научилась радоваться ничему.

Я женщина, у которой все впереди...

Пусть надо мной будут смеяться, тыкать пальцем, называть стервой; зато я буду творцом своей судьбы. Буду лепить ее только по своему вкусу.

И смотреть на свою жизнь я буду только с лицевой стороны.

К сожалению, мой волшебник проснулся только в 44 года. Но зато хорошо выспался и теперь у него много сил и энергии.

Милые Волшебники, не ленитесь, не спите. Помогите нам быть оптимистами и находить что-то хорошее. Находить надежду на лучшую жизнь.

Еще раз с добрым утром!

С большим уважением,

Женщина, застрявшая в детстве.

МЫСЛИ

Мысли живут в голове. Маленькие они или большие не имеет значения, они все равно там помещаются, да и количество их тоже не имеет значения.

Самое интересное то, что голова твоя, всегда твоя, а вот мысли...

Мысли бывают и твои и чужие; а еще они бывают свободными. Такие мысли витают

в голове сами по себе, никого не слушая, никому не подчиняясь. А иногда бывает так, что они путаются в голове и не дают возможности хотя бы на одной сосредоточиться. Эти мысли, точнее обрывки мыслей, перемещаются в голове и ни на секунду не останавливаются. Не останавливаются, так как знают, что существуют две главные мысли и решения принимать только им двоим.

Одна мысль решила, что все кончено, а другая все хочет. Кто победит в этой холодной войне, разницы нет. Обе победы это проигрыш. Победителя в этой войне нет. Потому и страшно. Очень страшно.

P.S.

Не думай и будешь счастливым.

ЗЕРКАЛО

– Кто это? Как интересно! Ой! Она тоже улыбается мне! Привет! – малышка помахала своему отражению в зеркале.

– Мама! Мама! Она тоже мне помахала! Ой, мама, у нее такое же платьице, как у меня!

– Отойди! – старшая сестра покрутилась перед зеркалом, она готовилась к свиданию.

– Мама, – уже тихо позвала малышка мать. – Мама, у меня две сестры.

Женщина, улыбаясь, подняла дочурку на руки и подошла

вместе с ней к зеркалу.

– Ой, две мамы!

Малышка захохотала.

– Бабуля, у меня две мамы!

В комнату вошла пожилая женщина.

– Ой, Бабуля, и тебя тоже две! – Малышка растерялась.

– Ну что с вами, отойдите! Вы же мешаєте мне! – проворчала старшая девочка.

Малышка вдруг расплакалась.

– Что с тобой, милая?

– Что случилось?

– Вы все по две, а я одна! Папа будет меня меньше любить, – малышка не могла успокоиться...

Когда молодой мужчина вошел в комнату, его никто не заметил; так как его маленькая дочурка захлебывалась от плача, а мать, жена и старшая дочь хохотали до упаду.

– Что с вами? Успокойтесь! – воскликнул возмущенный мужчина.

Все вздрогнули.

– Папа! Их две, а я одна! – Еле успокоившаяся малышка вновь заплакала.

Когда отца семейства, наконец, объяснили в чем проблема, он обнял младшую дочь, поса-

дил старшую рядом, а жену и мать напротив и очень, очень серьезно сказал:

– У меня одна мать, одна жена, одна старшая дочь и одна младшая дочь. И с сегодняшнего дня ваше зеркало я! И я, как ваше зеркало, говорю вам, что вы мои единственные самые прекрасные женщины в мире. Только сейчас бегом все в ванную комнату умываться. Мы идем в ресторан отмечать день моих любимых женщин.

Старшие женщины вышли из комнаты, а отец подвел малышку к зеркалу и шепнул ей на ушко:

– Посмотри. Это я, а это ты. Нас с тобой тоже двое. Только пусть это будет нашим секретом.

P.S. Настоящий секрет заключается в том, что не важно сколько нас отражается и какие мы отражаемся в зеркале; важно, что мы любимы.

ТЕТЯ ДРУГ

Дорогая редакция журнала!

Я долго думала, к кому обратиться и, наконец, выбор пал на вас. Чтобы было понятно, начну

с самого начала.

Моя жизнь неожиданно изменилась, появились финансовые проблемы, и я решила подрабатывать уборкой квартир. Как-то мне позвонил молодой парень и попросил убрать квартиру его троюродной тети, скончавшейся полгода тому назад. Все это время квартиры была заперта, парень ни разу туда не заходил.

Уборка была нестандартной. Надо было разобрать вещи бывшей хозяйки и оставить только необходимое – для сдачи квартиры. Копаться в вещах совершенно постороннего человека весьма неприятная процедура. Но что поделаешь – «назвался груздем, полезай в кузов».

Квартира оказалась небольшой. Комната метров тридцать, маленькая кухонька и санузел. Убрала я быстро; да и одежду, книги, посуду и прочее разобрать и ненужное отнести в церковь тоже не составило сложности. А вот бумаги... Бумаг, то есть каких-то рукописей оказалось очень много.

– Выкиньте! Явно какая-нибудь дребедень будет. Женские дневники. Сдайте в макулатуру, – сказал племянник.

А я не смогла. Собрав все бумаги в два больших старых чемодана, я забрала их к себе домой. «Человек писал, мучился; хоть прочту, потом выкину», – думала я.

Обычные каждодневные дела не дали возможность сразу сесть за любимое дело, чтение. А потом я и вовсе забыла про эти бумаги.

Но вот наступил Новый Год. Точнее наступал. Начались предновогодние приготовления. И я, наконец-то, решила убрать и свою квартиру. Тут-то я и вспомнила о бумагах тети. Решив, что на их чтение времени уйдет мало, уборку квартиры я начала с их разборки.

Скажу сразу: Новый год я встретила с сигаретой и чашкой кофе в руках, сидящей в халате в кресле, которое стояло в центре разбросанных бумаг и рыдала...

Это были не просто бумаги, не просто дневники и записи одинокой женщины. Это был крик души: души сильной и борющейся с несправедливостью, души защищающей и помогающей слабым.

Бумаги делились на три типа писем:

I тип: письма нуждающихся и страдающих людей, молящих о помощи.

II тип: письма-заявления, требования. Это были копии писем, которые тетя посылала в разные вышестоящие инстанции с просьбой помочь людям.

III тип: письма благодарности. Третий тип писем тетя хранила в особой коробке. Коробка была картонкой из-под туфель, обклеенная розовой бумагой. А чтобы она не открылась и письма случайно не высыпались, тетя коробку перевязала голубой шелковой лентой так, как обычно завязывают подарки. Да, это и был для нее подарок. Она жила этим.

Теперь я поняла, почему у этой женщины не было ничего ценного. Только самое необходимое. Остальное она все раздавала.

Дорогая редакция!

Хочу также прислать Вам несколько отрывков из писем тети.

«Почему потушили свет? Мы так играем? Как темно и тихо. А

почему все молчат? Все заснули? А со мной кто будет играть? Мне скучно! Кто-нибудь, сыграйте со мной. Где вы? Куда спрятались? Я ничего не вижу. Мама! Мама, здесь очень темно, мне страшно. Мне очень страшно! Мама! Я сплю? Мама! Мама!

Разбуди меня, мама!!!»

– Держись, милая! – Мужчина в белом халате слегка прикоснулся к плечу не по годам постаревшей женщины, которая уже полтора года не отходя сидела у кровати без сознания лежащей трехлетней девочки.

– Держись!

P.S.

Что может врач, даже очень хороший врач, без лекарств...»

«– Не плачь! Не плачь! Дочка слышит тебя! Только тебя и слышит! Ты ее надежда. Ты ее сила. Ты ее солнце. Ты ее – МАМА! – тихо шептал Ангел-хранитель женщине, которая сидела в ногах больного ребенка. – Не плачь! Расскажи ей лучше сказку про добрых людей. А я полечу их искать...»

Старый Ангел-хранитель точно знал: добрые люди есть. Просто они об этом еще не знают...»

«В дряхлом старом доме, полном нищеты и проблем, было одно светлое «пятнышко»:

смех маленького шаловливого мальчика.

В тот злополучный день не стало и этого.

Приступ эпилепсии мальчика отнял у семьи единственную радость. Уже два года ребенок без сознания. В доме наступила жуткая тишина...

P.S.

Если ребенок шалит – он здоров».

А теперь последнее письмо, адресованное наследнику:

«Милый друг.

Я не знаю, кто будет разбирать мои бумаги и читать это письмо, но я очень надеюсь, что ты по сути своей – ДРУГ.

Я не имею никакого права просить тебя и тем более требовать, чтобы ты продолжил мое дело. Но если это случится, знай, ты самый счастливый человек, так как твоей миссией стало ДОБРО.

Тетя Друг».

Дорогая редакция.

Помогите продолжить дело этого великого человека – тети Друга. Да, я решила стать наследником ее дела. Я, наконец, нашла свое место. Я нашла смысл жизни.

Я – тетя Друг.

Дворец Аршакуни

«...КАЖДЫЙ КРАЙ ВЫРАБАТЫВАЕТ СВОЙ СТИЛЬ»

■ Владимир ГОЛОВИН

Еще один юбилей в нынешнем году подарен грузинской столице Тифлисом прошлого века – 120-летие Школы живописи и ваяния. Это замечательное учебное заведение открылось в 1901-м при Кавказском обществе поощрения изящных искусств, став предтечей и основой Тбилисской государственной Академии художеств.

Общество, при котором школа появилась на свет, сокращенно называют КОПИИ. Оно рождается в 1877 году после слияния для взаимной материальной поддержки двух других тифлисских обществ – художественного и музыкального. Своими целями оно ставит содействие распространению художественного образования, развитие художественной и музыкальной деятельности на Кавказе, «поощрение талантов в художествах и музыке и пособие нуждающимся членам – специалистам общества, посвя-

тившим свои труды развитию художественной и музыкальной деятельности».

Все эти задачи выполняются успешно. Организуются всевозможные экспозиции, создаются художественные отделы Юбилейной промышленной и Кавказской промышленной и сельскохозяйственной выставок в Тифлисе, поддерживается Рисовальная школа, которая появилась в последней четверти XIX века, как и во многих других крупных городах империи. Именно на эту поддержку Императорская Академия художеств каждый год выделяет из Санкт-Петербурга по 2.000 рублей. А еще в городе работает масса частных художественных школ и курсов.

Преподают в Рисовальной школе люди, которых иначе как мэтрами не назовешь. Инициатор создания Императорского общества акварелистов, профессор «по перспективной акварельной живописи» Императорской Академии художеств Луиджи Премацци. Родоначаль-

ник грузинской реалистической школы живописи Георгий Габашвили. Выпускник Петербургской и Мюнхенской академий художеств Оскар Шмерлинг.

А еще сооснователь портретного ателье на Дворцовой улице «Фотография художника Колчина и Ермакова», участник росписи Тифлисского Александро-Невского военного собора Петр Колчин. Основоположник армянского реалистического пейзажа, выпускник этой школы Геворк Башинджагян. И Генрик Гриневский – исследователь средневековой архитектуры Грузии, иллюстратор сочинений Ильи Чавчавадзе.

Сочетание стремлений талантливой молодежи с отдачей замечательных преподавателей, любовь к искусству, которой пронизана вся атмосфера города над Курой, престижность профессии художника... Вполне можно понять, почему художественное образование становится в Тифлисе все популярнее. И выпускники тифлисских художественных школ все чаще становятся студентами Академий художеств в России и Западной Европе.

Помимо Башинджагяна в историю искусства входят окончившие в разное время Рисовальную школу: продолживший образование в Мюнхене, Вене,

Г. Гриневский, Г. Башинджагян, К. Алиханов, О. Шмерлинг

Париже и получивший звание «классный художник» Арутюн Шамшинян, уникальный колорист Александр Бажбеук-Меликов, Александр Беридзе, одним из первых в грузинском искусстве обратившийся к изображению народных типов...

Этот подъем всеобщего интереса к живописи не могут не заметить и приехавшие в Тифлис в конце XIX века такие всемирные авторитеты в сфере живописи, как Илья Репин и Константин Маковский. Причем первый прибывает уже в ранге преподавателя-профессора Императорской Академии художеств, а второй – в статусе любимца императорского двора. Репин в восторге от Тифлиса:

«Как хорош старый Тифлис с восточными базарами, майданами, крытыми и некрытыми, всевозможными мастерскими, всегда открытыми с улицы. А сколько здесь самых неожиданных, самых невероятных людей всяких национальностей. Особенно поразительны курды, персы, турки и кавказцы разных племен! Какая толкотня, крик и суетня на этих крошечных, грязных и пыльных улицах! Какая чернота лиц, какие невозможные для определения лохмотья, какие грязные трущобы, откуда выползают эти восточные призраки и где они едят свой плов, чурек невероятной грязноты и сальности руками! Какие впечатлительные фигуры дервишей! Вот это так настоящие альтруисты. Это – не чета нашим торговым ханжам монахам. Что за лица, глаза, какой странный костюм!! Ах, Тифлис! Какую интересную и полную тенденции

картину представляет он каждый день на своих узеньких, да даже и широких улицах».

Но у Ильи Ефимовича – не только эмпирическое, можно сказать, туристическое впечатление. И он, и его друг-коллега,

Илья Репин

вращаясь в местных профессиональных кругах, видят, какая основа создана для развития художественного творчества. Впечатляет и уровень подготовки в Рисовальной школе. Так что, вернувшись в Москву, Репин и Маковский убеждают различные инстанции, чтобы в Тифлисе открыли новую школу для талантливой молодежи по образцу Московского училища живописи и ваяния.

Как и у всякого новшества, принятие решения тянется и тянется. И тогда Репин снова пишет о Тифлисе. Но уже совсем в другой тональности. Из-под его пера выходит статья «Нужна ли школа искусств в Тифлисе?».

Она настолько большая, что помещается аж в двух – 7-м и 8-м – номерах газеты «Кавказ» за 1897 год. Репин доказывает, что необходимо поощрять представителей национального искусства: «Надо пожелать им побольше самобытности и смелости... Пусть каждый край вырабатывает свой стиль и воспроизводит свои излюбленные идеи в искусстве по-своему, уверенно и искренно, без колебаний, без погони за выработанными чужими вкусами... Художественная пора Кавказа впереди».

В конце концов, усилия, предпринимаемые и в Тифлисе, и в обеих российских столицах, завершаются успехом. В 1901 году открывается шестиклассное художественное училище, официально названное «Первая школа живописи и ваяния при Императорской Академии художеств». В историю города оно входит как созданное при Кавказском обществе поощрения изящных искусств (КОПИИ).

Располагается школа в помещении КОПИИ на улице Грибоедова, в доме, который в городе многие годы называют Дворцом Аршакуни. Он построен в конце 50-х годов XIX века крупным рыбопромышленником, почетным горожанином (мокалаке) Варданом Аршакуни, который в 1856-1860 годах был мэром Тифлиса.

И вот что интересно. Автор проекта, академик архитектуры Григорий Иванов известен суровыми, далекими от изысков петербургскими творениями –

Константин Маковский

Интерьер дворца Аршакуни

Комиссариатским департаментом Военного министерства, Главным инженерным управлением, казармами Дворянского полка. А в Тифлисе он создает удивительное здание, сочетающее элементы и классицизма, и барокко, и восточной роскоши. Оно словно специально создано для творческих фантазий.

Первый год школой руководит ученик Архипа Куинджи, художник-исполнитель Большого театра Антон Кандауров, иллюстратор Пушкина, Крылова, Лермонтова и Льва Толстого. В 1902 году его на целых 15 лет сменяет Оскар Шмерлинг. В 1901-м сюда поступают 32 ученика, через год их уже 83. Чтобы молодежи было, на кого равняться, при школе открывается первая постоянно действующая выставка тифлисских художников.

Преподают в этой школе и многие из перечислявшихся, и такие мастера, как гранильщик-каменотес и скульптор Джованни Андреолетти, участвовавший в реставрации Квашветской церкви и украшавший фасад Дома офицерского экономического собрания (ныне – головной офис банка ТБС). Или соавтор проекта Тифлиского артистического общества (сейчас – Театр Руставели) Корнелий Татищев, реконструировавший здание городской управы на Эриванской площади.

На эту школу распространяются Правила, утвержденные в Уставе Императорской Академии художеств в октябре 1893 года. Согласно им, каждый по-

ступивший находится на испытании в «натурном классе» все первое полугодие обучения. И лишь по истечении испытательного срока считается принятым. А из «натурного класса» может по собственному выбору перейти в мастерскую любого из ху-

В мастерской, перешедшей из Школы живописи и ваяния в Академию художеств

дожников-руководителей.

Этих мастерских должно быть не больше 12-ти. В них обучают религиозной, исторической, батальной, жанровой, пейзажной и декоративной живописи, скульптуре, гравюре и медальерному искусству. А в научном курсе живописно-скульптурного отделения преподаются история искусств, анатомия и перспектива.

Все лучшее, созданное во время занятий, выставляется на осенней ученической выставке и оценивается Художественным советом. Те, чьи работы будут

признаны «вполне удовлетворительными», могут начать самостоятельные занятия под руководством избранного ими профессора.

И еще параграф Правил, который стоит процитировать полностью: «В случае, если исполнение избранного учеником сюжета требует работы в особой мастерской, профессор-руководитель испрашивает для него таковую у Художественного совета и равным образом представляет Совету о назначении ученику денежного пособия, коль скоро обработка материалов для темы требует от ученика непосильных расходов на поездки и тому подобные надобности».

Вот так и работает эта школа, обучая представителей всех сословий, оберегая своих воспитанников от непосильных расходов... В 1921 году учреждаются расположившиеся в одном с ней здании Высшие художе-

ственные мастерские. А вскоре Школа живописи и ваяния по решению Народного комиссариата просвещения превращается в Академию художеств Грузии. И в ней еще довольно долго преподают профессора школы. Которая может гордиться тем, что стала основой первого высшего художественного учебного заведения на Кавказе и одной из трех академий художеств, работавших в СССР (еще в Ленинграде и Риге). Но это – уже другая история.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ჯ ი შ ვ ი ლ ი

Фото Александра Сватикова